

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-GERMANСКИХ ЯЗЫКОВ

РУСТАМОВ ОРИФЖОН МИРЗОКУЛОВИЧ
(4.02 немецкая группа)

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНО-
СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

5120100 - Для получения степени бакалавра по направлению филологии и
обучению языкам (немецкий язык)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Рекомендуется к защите

Заведующий кафедрой немецкого
языка и литературы доц. М. Бегматов

Научный руководитель:
ст.преподаватель О. Жумаев

« » _____ 2018

Самарканд – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА	7
1.1. Поверхностно-синтаксический уровень анализа.....	7
1.2. Эллипсис	15
1.2.1. Системно-структурный эллипсис и его прагматическая интерпретация.....	17
1.2.2. Окказиональный (речевой) эллипсис.....	26
Выводы по первой главе.....	31
ГЛАВА 2. АБСТРАКТНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АНАЛИЗА	33
2.1.Словорасположение	33
2.2. Синтаксическая метафора	43
2.2.1. Метафорические словосочетания.....	43
2.2.2. Метафорические предложения	56
2.2.3. Метафорические ССЦ и тексты.....	59
Выводы по второй главе	62
Заключение.....	64
Список использованной литературы.....	66
Источники.....	68

Введение

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена описанию систематизации экспрессивно-синтаксических средств в немецком языке.

Актуальность темы исследования. Актуальность темы выпускной квалификационной работы заключается в том, что описания систематизации экспрессивно-синтаксических средств проводится в два этапа. Сначала инвентаризируются средства, выделяемые в соответствии с описанными выше уровнями формализации и интерпретации: поверхностно-синтаксическим, или эмпирическим; семантико-синтаксическим, или когнитивным; и идеализированно-прагматическим, или дискурсивным. Затем анализируются стилеобразующие черты основных синтаксических единиц в связи с их функционально-прагматическим предпочтением в том или ином коммуникативном регистре.

Разграничение средств по уровням имеет, несомненно, условный характер, поскольку уровни тесно связаны между собой и средства, относимые к тому или иному из них, интерпретируются на каждом. Тем не менее, мы прибегаем к этому способу, так как он позволяет разграничить стилистические средства по степени их относительной автономности и, следовательно, формальности. Кроме того, оказывается, что на каждом уровне формализации релевантны определенные синтактико-стилистические процессы.

Цели и задачи работы. На поверхностно-синтаксическом уровне эмпирически наблюдается процесс объемного наполнения высказывания, его расчленение и усечение. Этот процесс — внешнее проявление более глубинного, эмпирически не наблюдаемого процесса импликации авторской интенции, объяснить который можно только на дискурсивном уровне анализа. На формальном поверхностно-синтаксическом уровне анализируются такие средства, которые «выведены на поверхность» и в этом

смысле автономны (например, размер предложения, эллиптические конструкции, парцелляты). Их экспрессивная значимость выявляется с помощью дискурсивного анализа.

Целью выпускной квалификационной работы является рассмотрение и описание систематизация экспрессивно-синтаксических средств в немецком языке.

Степень разработанности проблемы. Проблеме описания систематизация экспрессивно-синтаксических средств уделяется достаточно большое внимание в немецком языкознании. Систематизация экспрессивно-синтаксических средств, связанные с их семантикой изучались в работах таких лингвистов как Адмони (1963,1986,) Девкин (1981), Долинин (1987), Арутюнова (1976), (Золотова 1982); (Шишкова 1986), Liedtke (1995), Engel (1996), (Zimmermann 1965) и др.

Предмет и объект работы. Синтаксис традиционно определяют как раздел грамматики, изучающий словосочетания и предложения, а также средства связи, с помощью которых образуются указанные языковые единицы. Это изучение входит в предмет синтаксиса как лингвистической дисциплины, а изучаемые единицы и явления составляют его объект. Поскольку же объект и предмет тесно связаны друг с другом, можно говорить о синтаксическом строе, или просто синтаксисе, самого языка. Такая терминологическая увязка встречается и в других случаях. Грамматика, например, определяется и как учение о грамматическом строе языка, и как сам этот строй [ср. Admoni 1986:7]. Более того, и общее понятие лингвистичности употребляется не только по отношению к соответствующей науке, но и по отношению к объекту, т.е. языку вообще (ср. такие понятия, как «лингвистический контекст», «лингвистические факторы» и т.д.).

Научная новизна выпускной квалификационной работы заключается в том, что в работе были учтены современные достижения в области немецкого

словообразования, а именно в области описания систематизация экспрессивно-синтаксических средств в немецком языке.

Практическая значимость заключается в том, что материалы работы можно применить в курсе «Уровень анализа экспрессивно-синтаксических средств в современном немецком языке». Проблемы, рассматриваемые в выпускном квалификационном работе, могут также быть основой для курсовых и дипломных работ.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, двух глав, заключения, списка научной литературы и списка источников, из которых были заимствованы примеры.

Во Введении выявляются актуальность темы исследования, определяются цели и задачи работы, степень разработанности проблемы, предмет и объект исследования, научная новизна исследования и его практическая значимость.

Первая глава, которая называется «Универсальные синтактико-стилистические средства», состоит из двух разделов: 1. «Поверхностно-синтаксический уровень анализа» и 2. «Эллипсис». В первом разделе рассматриваются размеры основных синтаксических единиц (словосочетания, предложения и ССЦ) — первое, что бросается в глаза при знакомстве с текстом. Этот, казалось бы, внешний признак имеет тем не менее глубокий смысл, отражая как историческую изменчивость, так и функционально-стилистическое варьирование перечисленных единиц. Во втором разделе данной главы рассматриваются вопросы, связанные эллипсиса. Узуальные эллиптические словосочетания различаются по морфологической принадлежности ведущего компонента, определяющей предпочтительное употребление словосочетания в том или ином регистре. В регистре тематической коммуникации экспрессивный потенциал наиболее ярко выражен у именных (субстантивных) словосочетаний.

Вторая глава, которая называется «Абстрактно-семантический уровень анализа», состоит из двух разделов: 1. «Словорасположение» и 2. «Синтаксическая метафора». Первый раздел посвящен рассмотрению словорасположения (порядок слов). В грамматике различают порядок слов прямой и обратный (инверсный). В первом случае предложение начинается с подлежащего, во втором — с любого другого члена предложения. Основная грамматическая функция словорасположения — это структурная организация предложения, в том числе выделение его различных типов: повествовательного, вопросительного, побудительного, с одной стороны, главного и придаточного с другой. В стилистике принят иной подход: порядок слов оценивается с точки зрения его нейтральности или эмоциональной окрашенности (эмфатичности). Во втором разделе рассматриваются метафорические выражения. Метафорические выражения традиционно рассматриваются в стилистике, а в последнее время они привлекают внимание ученых, интересующихся психолингвистическими проблемами понимания.

В заключении делаются основные выводы, по теме систематизация экспрессивно-синтаксических средств в немецком языке.

Список научной литературы содержит 30 научных работ, из них 14 научных работ на иностранном (немецком) языке.

Объем выпускной квалификационной работы составляет 70 страниц.

ГЛАВА 1. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СИНТАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

1.1. Поверхностно-синтаксический уровень анализа

Размеры основных синтаксических единиц (словосочетания, предложения и ССЦ) — первое, что бросается в глаза при знакомстве с текстом. Этот, казалось бы, внешний признак имеет тем не менее глубокий смысл, отражая как историческую изменчивость, так и функционально-стилистическое варьирование перечисленных единиц. Прежде чем перейти к анализу размера предложения, поясним некоторые употребляемые далее термины.

Для определения объема предложения мы, вслед за В.Г. Адмони, используем термины «элементарное предложение» и «цельное предложение» [Адмони 1963: 17—20]. Первый термин обозначает предложение как структуру независимо от его синтаксической функции: это может быть и простое самостоятельное предложение, и часть сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, и придаточное предложение. Термин «цельное предложение» означает предложение от точки до точки, оно может быть как простым, так и сложным.

В историческом плане общая тенденция состоит в том, что объем цельного предложения несколько уменьшается за счет сокращения количества и уменьшения объема элементарных предложений (далее — ЭП). Объем же ЭП, особенно когда оно выступает как самостоятельное простое предложение, несколько возрастает, что связано с распространением и возрастанием объема группы существительного [Admoni 1986: 296]. Однако однозначных закономерностей здесь, по-видимому, вывести нельзя: одни современные немецкоязычные авторы предпочитают короткие предложения, другие — длинные. Для сравнения возьмем Петера Хандтке и Альфреда

Андерша. Если первый любит употреблять короткие предложения, то второй нередко прибегает к длинным периодам. Ср. соответственно:

Im Wirtshaus traf er die Kellnerin, die gerade den Boden aufwusch. Bloch fragte nach der Pächterin. "Sie schläft noch!", sagte die Kellnerin. Bloch bestellte im Stehen ein Bier. Die Kellnerin hob einen Stuhl vom Tisch. Bloch nahm den zweiten Stuhl vom Tisch und setzte sich (P. Handtke, Die Angst...);

Auf dem Bahnsteig der Stazione Centrale war es trocken unter dem dunklen Gebirge aus Glas, Rauch und Beton, aber der Rapido nach Venedig troff vor Nässe, sie hatten ihn sicherlich erst vor ein paar Minuten aus dem Regen, aus dem Grau des Regen-Nachmittags, in die Halle geschoben, Abfahrt 16.54, also fünf Minuten Zeit, im Waggon war es noch kalt, so dass Franziska nur ihre Handschuhe auf den Platz legte und wieder hinausging, um nicht zu frösteln, aber statt dessen fror sie im Januarwind, der durch die Halle fuhr, vielleicht bin ich schwanger, es war ihr kalt, obwohl sie den Kamelhaarmantel anhatte, sie klemmte sich die braune Handtasche unter den Arm und steckte die Hände in die Manteltaschen (A. Andersch, Die Rote).

Больше других исследованы колебания длины ЭП в зависимости от функционального стиля. Опубликованные данные позволяют сравнить средний объем ЭП в художественной, научной, научно-популярной литературе и в разговорной речи. По данным С.А. Шубика, объем ЭП в художественной литературе XIX в. колеблется в пределах 7-9,9 слов [1969]. В научной и научно-популярной литературе эти величины несколько выше: предложение насчитывает в среднем от 8 до 16 слов, причем наиболее частотная длина ЭП составляет 10 слов [Eggers 1962]. В разговорной речи объем предложения колеблется в пределах от 5 до 10 слов [Höhne-Leska 1975]. По подсчетам Г. Бертольда, в устной речи предложение примерно на одну четверть короче, чем в письменной [Berthold 1968: 322]. В последнее время интерес к длине предложения-высказывания возрос в связи с использованием современных дорогостоящих каналов связи, например

сотовых телефонов. Здесь в цене короткие сообщения! До сих пор мы говорили о стилистической значимости предложения среднего объема. Возможен, однако, и другой подход, а именно, исследование функциональной нагрузки предложений иной длины (например, коротких или длинных) в том или ином виде речи. Сравним, к примеру, функции коротких предложений в художественной прозе и в устной речи. Условимся считать коротким самостоятельное предложение объемом от 1 до 7 слов, т.е. соответствующее по количеству значимых единиц объему оперативной памяти. В художественном тексте такие предложения, как правило, противопоставлены по форме более длинным ЭП и цельным предложениям. На фоне более длинных предложений они выделяются, принимая на себя особые функции. Проиллюстрируем функции коротких глагольных предложений в объективированной авторской речи, среди которых мы выделили следующие как типичные.

1. Функция зачина ситуации в начале абзаца или главы. Зачин имеет, как правило, «эффект вхождения» [ср.: Harweg 1968: 166]: читатель сразу вовлекается в сопереживание. Основным средством создания такого эффекта и являются короткие конкретно-описательные предложения. Объективация создается особой разновидностью реальной модальности — модальностью эвидентности: у читателя создается впечатление, что он сам видит или слышит то, о чем повествует автор. Ср. начало романа Д. Нолля «Приключения Вернера Хольта»:

Der Wecker rasselte. Holt schreckte aus dem Schlaf... (2 слова).

Главы в романе Б. Келлермана «Пляска смерти» начинаются так:

In aller Frühe ging das Telefon (5 слов); Fabian verlief rasch das Haus (4 слова).

Даже А. Андерш с его любовью к длинным предложениям начинает главу обозримо:

Franziska ging am Empfang vorbei in den Tea-Room (7 слов).

2. Другой функцией коротких предложений является обрамление прямой речи. Предшествуя ей, они называют действие или состояние лица, вступающего в разговор. Подхватывая прямую речь, они обозначают способ произнесения реплики. Ср.:

Die schöne Charlotte schüttelte sich. "Um Gottes Willen, nichts vom Krieg!", rief sie aus (B. Kellermann); Fabian lachte laut auf. "Nein!" antwortete er (ebd.).

3. Короткие предложения могут быть выделены в абзац и тогда выступают в функции вычленения этапа какого-то глобального действия. Ср.:

*"Haben Sie noch immer keine Angst vor meiner Schönheit? " rief sie aus.
"Nein? Nun, dann wollen wir unser Fest feiern!"*

Und sie klingelte nach dem Kellner.

Das Fest dauerte bis zum frühen Morgen, und als sie sich verabschiedeten, duzten sie sich (B. Kellermann).

4. Короткие предложения могут обозначать ситуацию наблюдения или иного вида чувственного восприятия с последующим раскрытием воспринимаемого образа в дальнейшем. Ср.:

Fabian beobachtete Marion beim Spiel. Sie spielte in der Tat recht gut. Als ausgezeichnete Tennisspielerin konnte ihr das Billardspiel, das rasches Auge und große körperliche Gewandtheit erfordert, natürlich nicht schwerfallen (B. Kellermann).

Излюбленным приемом современной прозы является кинематографичность описания. Автор структурирует крупный план изображения, кинематографически выделяя детали внешности, обстановки, ситуации. Все эти детали выражаются обособленными адъективными или

причастными определениями, предложными группами существительного, конструкциями с абсолютными падежами, которые в совокупности создают рубленый ритм описания. Краткость выражения проявляется в таких случаях не в предложении, а в словосочетаниях, образующих синтагмы. Ср. описание внешности Вернера Хольта из одноименного романа Д. Нолля:

Einsfünfundsiebzig groß, siebenundsechzig Kilo schwer, schmal, doch muskulös, *aber neben Wolzow, der einsachtundachtzig maß und fast neunzig Kilo wog, eben doch beinahe knabenhaft*. Dunkeläugig, dunkelhaarig *sah er sich im Spiegel* (D. Noll).

5. Короткие предложения описывают действия, следствия из которых раскрываются в последующем предложении:

Der Schreiber verteilte Zigaretten. *Rauchend saßen sie um das Lagerfeuer herum* (L. Frank).

В персонализированной речи, разновидностями которой являются несобственно-прямая и внутренняя речь, экспрессивность коротких высказываний возрастает. Это происходит в двух случаях: либо за счет усиления их причинно-следственной связи с последующим текстом, либо за счет повышения эмоциональности с помощью безглагольных предложений. Иногда эти случаи проявляются вместе в одном контексте, ср. несобственно-прямую речь героини из романа А. Андерша:

...im vorigen Jahr ist es scheußlich gewesen, die Touristen auf dem Markusplatz, Kopf an Kopf, man konnte das Pflaster des Markusplatzes nicht sehen vor Touristen... (A. Andersch).

Контраст безглагольных предложений с фоновыми глагольными используется, например, в романе Д. Нолля «Приключения Бернера Хольта». Этот прием используется автором в тех случаях, когда он хочет показать, как парализуют волю героев мысли о безысходности ситуации, о потрясении их

жестокостью войны, исторической обреченностью фашизма. Безглагольное предложение, мысленно произносимое героем, как бы маркирует короткую паузу в динамичной фабуле романа, ср.:

Schluss, aus.

Die harte Stimme war verstummt. Wolzow stand schweigend, den Kopf schrägegelegt (D. Noll).

В обыденной устной речи общение происходит, как правило, с помощью коротких предложений, функциональная значимость которых различна. По данным Б. Вакернагель - Йоллес, одна четверть всех ЭП функционирует в качестве самостоятельных, столько же объединены в двучленный пара - или гипотаксис, а оставшуюся половину составляют сложные синтаксические образования, содержащие подчинение вплоть до четвертой степени [Wackernagel-Jolles 1971:184]. Приведем образец диалога, состоящего только из коротких ЭП:

Straße am späten Abend.

STIMPEL: Mathias? Kommst ja verdammt spät nach Hause.

MATHIAS: Was machst du denn hier?

STIMPEL: Ich warte auf dich.

MATHIAS: Wieso? Mutti nicht da?

STIMPEL: Doch. Kommst du vom Training?

MATHIAS: Die wollen mich nicht mehr

STIMPEL: Warum? Keine Leistung?

MATHIAS: Weil ich wachse.

STIMPEL: Quatsch!

MATHIAS: Wenn du's besser weißt. Meine Größe ist beim Turnen nicht gefragt. Rudern soll ich oder so was.

STIMPEL: Willst du nicht?

MATHIAS: No. Willst du was Bestimmtes?

STIMPEL: Ich habe mir die Trompete geholt. Nur für ein paar Tage, Mathias.

MATHIAS: Meinetwegen für immer (A. Leonhardt).

Такие предложения экспрессивны, если считать нейтральным фоном объективированную авторскую речь. Они отображают естественную коммуникативную ситуацию и в этом смысле прагматически уместны.

Остановимся на некоторых особенностях коротких предложений в разговорной речи, во многом обусловленных ее спонтанностью. Говорящие нередко вынуждены «на ходу» переосмысливать сказанное, приводить в логическое соответствие события или явления, о которых идет речь. В современной математике для обозначения движений подобного рода употребляется термин «движение вспять» [Колокольчиков]. Характеризуя разговорную речь, В.Д. Девкин пишет об ориентировке вспять новой фразы [Девкин 1981:27]. Следствием этого является имплицитное выражение логических отношений, на которые «задним числом» указывают анафорические средства, например, союзные наречия *sonst*, *dann*, союзы *und*, *aber* *oder*, частица *doch*, претеритальный конъюнктив. В продолженных формах, содержащих имплицитное условие, типичны модальные глаголы *müssen* и *können*, обозначающие вынужденную или потенциальную предпосылку [Brinkmann 1962: 371, 373], ср.:

*"Hin und wieder musst du mal ein paar Schüsse loslassen. **Sonst** friert das Ding ein "* (H. Böll) → *Wenn du nicht schießt...*;

“*Mir kannst du es ruhig sagen*”. “**Dann** wäre ich ein schöner Esel” (E.M. Remarque)→ *Wenn ich es dir sagen würde, wäre ich...*

Увеличение объема цельного предложения в разных коммуникативных регистрах происходит по-разному. В объективированной авторской речи его объем возрастает как за счет насыщения ЭП, так и за счет усложнения цельного предложения средствами сочинения и подчинения. ЭП насыщается посредством введения в него разного рода второстепенных членов, обособленных оборотов, однородных членов, особенно однородных сказуемых. Цельное предложение нередко имеет разветвленную структуру. Ср.:

Bevor Missverständnisse entstehen, muss hier als sachliche Information eine Erklärung der misslichen Bildungsumstände gegeben werden, denen Leni unterlag bzw. unterworfen wurde (H. Böll, Dame);

Hier müssen, bevor einer verstorbenen Nonne ein Denkmal gesetzt wird, die für Lenis Bildung so entscheidend wurde wie der noch ausgiebig zu erwähnende Sowjetmensch, drei noch lebende Nonnen als Zeuginnen erwähnt werden, die, obwohl ihre Begegnungen mit Leni vierunddreißig bzw. zweiunddreißig Jahre zurückliegen, sich ihrer noch lebhaft entsinnen und die alle drei, vom Verf. mit Bleistift und Notizblock an drei verschiedenen Orten aufgesucht, sobald Leni erwähnt wurde, in den Rufausbrachen: “Ach ja, die Gruyten!” (ebd.).

Объем ЭП в разговорной речи остается в целом меньше, чем в художественно обработанной авторской. Отличительной чертой цельного предложения является здесь его однонаправленность, т.е. последовательность сочинения и подчинения при относительно малом объеме ЭП. Структурная однонаправленность нарушается только вставками пояснительного характера или повторами, вызванными неподготовленностью речи. Ср.:

Robert ist ein Stiller, einer; den man nicht hört. Er spricht leise, und er macht auch sonst keinen Lärm. Wenn er Holz sägt, im Hof ist ein Schuppen, dort hat er seine Werkstatt, wenn er Holz sägt, ist es das angenehmste Geräusch (M. Wander).

Итак, длина синтаксических единиц, будучи универсальным средством стилеобразования, по-разному используется в разных коммуникативных регистрах. Это подтверждается, в частности, функционированием в обоих регистрах коротких предложений. Закономерности расширения объема синтаксических единиц также во многом обусловлены колингвистическими факторами.

1.2. Эллипсис

Из античной риторики эллипсис известен как фигура, производящая эффект «интеллектуальной неожиданности». Этот эффект основан на контрасте синтаксиса и семантики, который возникает из структурной неполноты конструкции, ее открытости к домысливанию. Структурная неполнота проявляется, прежде всего, в выпадении строевых (семантически пустых) элементов конструкции, например, вспомогательного глагола. Однако процесс сокращения высказывания может затронуть и полнозначные лексические элементы, такие, как глаголы, обозначающие движение. С точки зрения психолингвистики эллипсис рассматривается как косвенное выражение эмоций [Долинин 1987: 211].

Обычно явление эллипсиса связывается с *предложением*. Это верно, если речь идет о системно-структурной неполноте, не затрагивающей основы предложения как структурной синтаксической единицы, обладающей свойством предикативности. В этом смысле эллиптическими являются императивные предложения типа *Sag(t) mir die Wahrheit!* В них имплицировано подлежащее, от которого ожидается выполнение соответствующего действия. Оно может быть домыслено из контекста или

ситуации общения, но императивная языковая структура этого не требует. Другой разновидностью системно-структурной неполноты предложения является, например, пословица *Gesagt — getan*, в которой пропущен глагол-связка, но основной глагол в форме причастия сохранен. В немецком языке это редкий случай, на чем и основан его экспрессивный эффект.

Гораздо чаще эллиптические конструкции формально не могут быть отнесены к предложению, поскольку предикативное отношение в них только имплицитно. Наиболее яркий пример таких конструкций — так называемые бытийные или назывные предложения. Очевидно, по форме это субстантивные словосочетания, по функции же — высказывания, т.е. речевые действия, выполняемые с определенным намерением и влекущие за собой определенный эффект воздействия.

Другими примерами словосочетаний в функции высказывания являются многие формулы речевого контакта (приветствия, благодарности и т.п.). В регистре контактной коммуникации морфологическая принадлежность ядерного компонента словосочетания достаточно разнообразна. Более того, в функции высказывания могут выступать и отдельные слова: существительные, прилагательные, наречия, глаголы в личной форме, инфинитивы, причастия и даже союзы.

Итак, при определении эллиптических предложений мы исходим из того, что они, хотя и в усеченной форме, но сохраняют грамматическую структуру, эксплицитно выражающую предикативность. Выполняя определенные коммуникативные функции, они становятся эллиптическими высказываниями. Однако круг эллиптических высказываний гораздо шире: к ним мы относим и словосочетания, и отдельные слова, функционирующие как речевые действия.

В стилистике различаются узуальный и окказиональный эллипсисы [ср., например, Fleischer/Michel: 178]. К первому виду относятся

неполносоставные высказывания в указанном выше смысле, функционирующие в устоявшихся оборотах речи, в типичных коммуникативных ситуациях, например бытийные и назывные словосочетания, без инфинитивные сочетания модальных глаголов. Экспрессивные возможности этого вида эллипсиса основаны на парадигматическом контрасте полных и неполных структур. Неполные структуры вовлекаются при этом в процесс метонимизации: часть структуры представляет всю структуру целиком.

Окказиональный эллипсис встречается не так часто и типичен для ситуации непосредственного общения. Сюда мы относим разного рода недомолвки, обрывы высказываний, выделение отдельных частей в самостоятельно оформленное высказывание (парцеллирование). В этом случае процесс метонимизации представлен более явно. Его оборотной стороной является импликация смысла, вытекающего из ситуации. Экспрессия возникает из контраста имплицитного (подразумеваемого) смысла и его метонимического представления (нередко одним словом).

1.2.1. Системно-структурный эллипсис и его прагматическая интерпретация.

Узуальные эллиптические словосочетания различаются по морфологической принадлежности ведущего компонента, определяющей предпочтительное употребление словосочетания в том или ином регистре. В регистре тематической коммуникации экспрессивный потенциал наиболее ярко выражен у именных (субстантивных) словосочетаний.

В объективированной авторской речи функционален особый вид словосочетаний: именные номинативные словосочетания, называющие факт наличия, существования, бытия предмета или явления, время или место осуществления действия, состояние среды. Тем самым они выполняют функцию обозначения бытийности, создающую эффект дистанции,

непричастности автора к описываемому. По традиции назовем их «бытийными». Бытийные высказывания обозначают конкретную референцию к ситуации, которая может быть наблюдаема [ср.: Арутюнова 1976: 205-283; Золотова 1982: 220; Шишкова 1986: 153-156]. Экспрессивность создается за счет контраста конкретной семантики описываемой ситуации и обобщенного грамматического способа ее представления (именительный падеж или совпадающий с ним по форме общий падеж). Бытийные словосочетания становятся, таким образом, изобразительными высказываниями, внося в объективированную речь элемент персонализации.

Изобразительность бытийных высказываний реализуется в двух основных дискурсивных функциях: зачинной и разрабатывающей. В зачинной функции они называют тему повествования, определяют его экспозицию, ср.:

Leutnant Wehnert hielt Unterricht. Thema: "Ist Rasse Schicksal?" (D. Noll); Fahrt durch die Nacht. Holt zog die Decke über die Knie (ebd.).

В начале абзаца такие высказывания, благодаря своей особой синтаксической структуре называя ситуацию, заостряют внимание читателя на определенном моменте повествования. Они выделяются и интонационно, требуя после себя паузы. Некоторые авторы охотно пользуются таким приемом. К ним относится, например, Э. Штриттматтер, ср.:

Unruhe im Vereinszimmer. Die Mitglieder lächelten (E. Strittmatter); Kaffee und Kuchen. Mühsame Gespräche. Märktes Mutter raucht nervös (ebd.); Halbe Nacht. Bienkopp biegt in den Waldweg nach Blumenau ein (ebd.).

Разрабатывающая функция бытийных высказываний реализуется при описании внешности, обстановки, характера. Отдельные черты, детали подаются при этом как бы крупным планом, повествование становится персонально-окрашенным, ср.:

Sein Äußeres? Weiße Flanellhosen, zitronengelbes Hemd, offener Kragen und ein buntes Seidentüchlein um den Hals (G. Görlich).

Целые абзацы, почти целиком состоящие из бытийных высказываний (словосочетаний и предложений), создают кинематографичность повествования, ср.:

Das Land wurde oder. Die Bäche versiegten. Nur noch dürres Gras an den Wegrändern. Die Baumblätter müde und traurig; am Horizont kein blauer Waldsaum, Fabrikschornsteine, entästeten Bäumen gleich (E. Strittmatter).

В персонально-окрашенной речи встречаются и другие разновидности субстантивных высказываний, которые приобретают функции выражения динамики и характеристики.

Экспрессивный эффект динамических субстантивных высказываний читатель переживает вместе с персонажем. Эффект этот, как и у бытийных высказываний, основан на контрасте формы и функции. В функции, выражающей развитие ситуации во времени, выступают «предметные» по форме слова — существительные, пусть даже отглагольные. Ср.:

“Sie werden sich also jeden Abendpünktlich 21 Uhr melden, um mir die Schuhe zu putzen. Sie werden zugeben, dass die Strafe gerecht ist”.

Schweigen.

Dann Wolzow... (D. Noll);

Holt, mit einer Kopfbewegung, sah Wolzow breitbeinig hinter dem Geschütz stehen, ohne Heim, und sah ihn mit gleichmäßigen Bewegungen Patrone auf Patrone ins Rohr schieben.

Feuerpause.

Die Flakwehrmänner warfen stumm die leeren Kartuschen aus dem Geschützstand... (ebd.).

Скопление динамических субстантивных высказываний позволяет создать картину механических, бездумных действий. Так Д. Нолль описывает обучение радистов-танкистов в Германии зимой 1944 г.:

Holt wurde als Panzerfunker ausgebildet. Sie durchjagten ein umfassendes Ausbildungsprogramm. Funkgeräte, Ultrakurzwellen- und Mittelwellensender, -empfänger: Funktion, Bedienung des Gerätes, Abstimmen, Frequenzwechsel, Sprech- und Tastfunk, Pflege und Wartung, Störungen. Täglich zwei Stunden Morsen.

У отдельных авторов скопление субстантивных высказываний используется как прием, которым написаны значительные отрезки текста, например, эпизод в романе Э. Агриколы, изображающий поездку по железной дороге. Приведем его начало:

Halb vier der Wecker; Endspurt zum Bahnhof, lastender Koffer, Schlange am Fahrkartenschalter; kaltfettiger Imbiss, Herumstehen auf winzigen Bahnsteigen, verspäteter, überfüllter Zug, Kampf um den Sitzplatz...

Субстантивные высказывания с динамической функцией встречаются также в ситуации реминисценции при изображении картин, всплывающих в памяти персонажа. Ср.:

Im Hof, an der hinteren Mauer, befand sich noch die eiserne Klopfstange, an der sie als Kinder geturnt hatten. Aufschwung und Bauchwelle (H. Otto).

Динамическая функция субстантивных высказываний может сочетаться с оценочной. Использование таких полифункциональных высказываний является существенной особенностью изобразительной манеры Э. Штрिटтматтера. Ср., например, авторский комментарий к высказываниям персонажей:

"Ist jemand hier?" Keine Antwort, aber erregte Atemzüge;

"Na, nein, sie heult wohl, bloß so". Abwesendes Lachen.

Авторский комментарий иногда трудно отделить от мыслей персонажа:

Keine Traurigkeiten! Es gibt Wichtigeres auf der Welt... (E. Strittmatter);

Fast eine Verlobung. Märktes Mausohren glühn (ebd.).

Особую функциональную нагрузку назывные высказывания получают при введении прямой речи. *Verba dicendi* опускаются, что создает эффект отстранения. Этот эффект возникает, как правило, вследствие моральной опустошенности героев. Ср. следующий отрывок из романа Г. де Брюна «Буриданов осел», в котором муж и жена говорят о возможном разводе:

Sie: "*Und die Kinder?*" Er: "*Ich werde immer für sie da sein*". Sie: "*Du willst sie mir bei der Scheidung also nicht streitig machen?*" Er: "*Wer redet denn von der Scheidung?*" Sie: "*Ich. Gibt es eine andere Möglichkeit?*" Er: "*Ich weiß nicht. Du musst mir Zeit lassen.*" Sie: "*Wozu?*"

Субстантивные словосочетания могут приобретать характеризующую функцию, приближаясь тем самым к предложениям с эллипсисом связочного глагола. Эта функция реализуется в несобственно-прямой и персонально-окрашенной авторской речи.

В авторской речи, как правило, такие высказывания обозначают существование какого-либо явления и одновременно дают его оценку. Экспрессивный эффект основан на колингвистической солидаризации с читателем, а именно реализует пресуппозицию всеобщности: все знают, хорошо это или плохо, хотя эксплицитно оценка не выражена. Здесь происходит процесс импликации оценки [Liedtke 1995: 22]. Ср.:

Gertrud Eisold arbeitet Akkord, umgerechnet kommt sie auf einen Stundenlohn von 4,82 Mark. Für Frauen in der Branche ein guter Lohn. Aber abstumpfende Arbeit (M. v. der Grün).

В несобственно-прямой речи оценочная функция нередко выступает на первый план:

Der Professor ging groß und aufrecht in sein Laboratorium. Holt sah ihm nach. Fremdheit, Enttäuschung und Angst... Das schlug nun um in Erbitterung (D. Noll).

Экспрессивный эффект неполносоставных высказываний усиливается, если применять специфические ритмо-мелодические средства, превращающие их в восклицательные высказывания. В структурном отношении они не отличаются от повествовательных, однако их экспрессивный эффект намного выше. Он создается сочетанием максимальной краткости с сильным волеизъявлением. Возникает широкий набор импликаций: ирония, сарказм, гнев, добрая усмешка, восторг. Ср.:

August! Da waren sie, die Tage aus Eisen, die in der Schmiede zum Glühen gebracht wurden (I. Bachmann);

Auch Stanislaus gehörte einer Organisation an. Er gehörte zur Arbeitsfront... Der Meister hatte ihm das Mitgliedsbuch gegeben. Jeder anständiger deutscher Arbeiter in der Arbeitsfront! Arbeitsfront oder arbeitslos! (E. Strittmatter);

Kleinigkeiten!

Gewiss, aber das ganze Leben besteht daraus wie ein Seil aus vielen dünnen Fasern (G. de Bruyn).

В регистре непосредственного общения (или при его имитации в регистре опосредованной коммуникации) эллиптические высказывания реализуются и как словосочетания, и как эллиптические предложения, и как отдельные слова.

Из эллиптических предложений наиболее распространены глагольные, встречающиеся в нескольких разновидностях. В одних опускаются компоненты с семантикой движения. Это двусоставные предложения, в которых модальные глаголы сочетаются с прямым дополнением или

обстоятельством, обозначающим направление движения. Способ перемещения не обозначается. Такие предложения отличаются компактностью и ярко выраженной экспрессивностью, которая возникает через импликацию семантики движения или вообще действия¹. Ср.:

Ich will überhaupt keinen Anzug (kaufen / haben / tragen); Ich muss zum Dienst (fahren / gehen); Jetzt kann ich nicht mehr (tanzen / weitergehen / lesen).

Эллиптические предложения другого типа содержат сочетания глагола *sein* и показателя направленности движения. Глагол движения эллиптируется:

Und dann sind wir ins Kino (gegangen) (M. Wander).

Специфична для разговорной речи и структура эллиптического предложения, содержащая глагол *sein* в сочетании с инфинитивом I. Возникает структура, близкая к синтаксическому фразеологизму [ср. Девкин 1965: 101]:

Die Kinder sind Altstoffe sammeln (B. Schirmer);

Hier war ich noch nie baden (K.-H. Jakobs);

Aber dann lernte ich dich kennen, und alles war wieder flöten (ebd.).

Характерны для разговорной речи и бессубъектные предложения. Нередко они имеют проективный характер и употребляются в продолжение собственного высказывания. Опираясь на предтекст, говорящий опускает местоименное подлежащее:

FRAU ERDHÖFER: *Iss doch ein Brötchen. Sind aufgebacken (B. Schirmer);*

Ich trage nie blau. Ist nicht meine Farbe (B. Hähnel).

¹ Некоторые авторы рассматривают глаголы движения как прототипические глаголы. См., например, Eichinger, L.M. Raum und Zeit im Verbwortschatz des Deutschen: eine valenzgrammatische Studie. — Tübingen: Niemeyer, 1989, S. 23.

В ответных репликах диалога может опускаться личное местоимение в функции подлежащего: говорящий не называет самого себя. В прагматическом плане такие высказывания аналогичны императивным, в которых пропуск субъекта «узаконен». Эллипсис подлежащего в констатирующих высказываниях всегда относится к первому лицу:

BÄR: *Mir geht es gerade um das Alltägliche. Um den Durchschnitt. Er hält erschrocken inne.*

Pause.

ERDHÖFER: *Verstehe. Durchschnitt* (B. Schirmer).

В проективных репликах может опускаться не только подлежащее, но и связочный или даже смысловой глагол, ср.:

BÄR: *Habt ihr eigentlich Kinder?*

ERDHÖFER: *Zwei. Das Mädchen acht, der Junge dreizehn* (B. Schirmer);

Ich muss mit dir reden. — Ich nicht mit dir (W. Heiduczek).

Проективный эллипсис реализуется и в сложном предложении, одна из частей которого является полносоставной, а другая эллиптической. Например, в сложносочиненном предложении вторая часть может опираться на первую, представляя собой синтаксически параллельную структуру. В таком случае предикативное отношение легко проецируется; «предложенческий» характер конструкции подтверждается тем, что, взятая отдельно, она не образует словосочетания. Ср.:

Der Ratschläge sind viele, der annehmbaren wenige (W. Heiduczek).

В сложноподчиненном предложении неполносоставным нередко оказывается главное. Как правило, оно выражает согласие / несогласие или модальную оценку мысли, содержащейся в придаточном предложении. Сложный комплекс приобретает более эмоциональный характер:

Es mag eine alberne Romantik von mir sein, aber ich habe immer, Sehnsucht nach etwas Verrücktem. Vielleicht, weil ich so langweilig normal bin (W. Heiduczek);

Ich habe überhaupt den Eindruck, dass sie (die Eltern.) zu meiner Schwester anders sind. Nicht, dass sie mich hintenan setzen. Ich weiß selbst nicht, was das ist (ebd.).

В регистре непосредственного общения субстантивные словосочетания и однословные высказывания утрачивают изобразительную функцию, приобретая взамен назывную эмоционально-констатирующую или обозначая предмет мысли [ср. Девкин 1965: 32]. Ср.:

FRAU MAUKISCH: Du kommst aber spät.

MAUKISCH: So festlich? *Kaffee und Kuchen. Hab ich'n Termin verpasst?* (A. Leonhardt).

Обозначение предмета мысли субстантивным словосочетанием или отдельным словом может иметь разный прагматический подтекст. В одних случаях говорящий просто не оформляет привычную для него мысль, называя только ее предмет:

ERDHÖFER: *Wie geht's ihm denn?*

FRAU ERDHÖFER: *Ach, wie immer. Die Beine. Aber er klagt nicht* (B. Schirmer).

В иных случаях субстантивное высказывание общего характера имеет целью подготовить собеседника к восприятию другого высказывания, начинать с которого почему-либо не представляется удобным:

STIMPEL: *Noch eine Frage, Frau Endig. Ist er hier gestorben?*

FRAU ENDIG: Im Krankenhaus, Herr Stimpel. Der zweite Infarkt (A. Leonhardt).

В связи с общей тенденцией разговорной речи давать всему оценку в ней возрастает роль адъективных высказываний, ср.: ERDHÖFER: Hier ist Erdhöffer.

BÄR: Achim! Mann! Wunderbar! (B. Schirmer)

В качестве реагирующих реплик типичны эллиптические высказывания, состоящие из одного-двух членов, соотносимых по смыслу со стимулирующей репликой:

PRÄSIDENT: *Wann* bist du soweit?

MARILLO: Vielleicht morgen, vielleicht in einem Jahr, vielleicht niemals (W. Heiduczek);

Sind Sie ein Pferwandter? — Ein ehemaliger Kollege (A. Leonhardt).

1.2.2. Окасиональный (речевой) эллипсис. Речевой эллипсис встречается в персонально-окрашенной речи в регистре дистантной коммуникации и в спонтанной речи в регистре непосредственного общения. Он реализуется в виде парцелированных высказываний (за исключением моделируемых псевдо - придаточных предложений) и в виде незавершенных высказываний. Его отличие от языкового эллипсиса состоит в том, что он не может быть спрогнозирован. Его возникновение определяется исключительно намерением говорящего.

Парцелированные высказывания разделяются в соответствии с их функциями на уточняющие и интенсифицирующие. Первые присоединяются к предшествующему высказыванию с целью расширения, дополнения, пояснения его рематической части. Прагматический парцеллят представляет собой синтаксически чаще всего обстоятельство или дополнение. Ср.:

Susanne sah, wie Wolfgang sekundenlang auf die Tür starrte und auf das Schild des Doktor Wilda. Und auf die Klingel (H. Otto);

Er wusste es sogar. Bei seiner Neugier (G. Görlich);

Er suchte nach einer Pflicht, er wollte dienen. Einen Baum pflanzen... (I. Bachmann).

Экспрессивный эффект уточняющих парцеллятов основан на логическом выделении какой-либо детали, события, факта. Логическое выделение имеет место и в парцеллированных придаточных. Ср.:

Ich beeilte mich nicht mit dem Aufbruch, und so kam es zu keinem Zusammentreffen mit Anne Marschall. Wozu auch? Wenn sie nicht wollte (G. Görlich);

Über ihre Ehe sprach sie nicht. Ich hatte immer den Eindruck, der Mann saß an ihrem Bett seinen Pflichtbesuch ab. Obwohl er sich Mühe gab, anständig zu sein (W. Heiduczek).

Интенсифицирующие парцелляты передают разнообразные эмоции: гнев, возмущение, радость, сочувствие, оценку. Они могут быть построены на повторе лексических элементов, такие парцелляты рассматриваются ниже. В других случаях интенсификация создается, например, за счет употребления нескольких однородных членов или однофункциональных придаточных, ср.:

Für dich aber ist alles Pflicht. Alles. Der Waldlauf und die Schule und die Ehe. Du bist schlimm daran (G. Görlich);

Vielleicht wollte Walter mir auch nur sagen, dass er mich liebte. Dass alles, was ich tat, nur ein Irrtum war (W. Heiduczek).

Незавершенные высказывания образуют особую разновидность структурной неполноты в сочетании со смысловой незавершенностью. Графически они обозначаются многоточием, тире, вопросительным или восклицательным знаком. При сознательном использовании незавершенных высказываний они образуют особую фигуру, которая в стилистике называется апозиопезисом. Такие высказывания выполняют роль

эмоциональных недомолвок, опирающихся на пресуппозиции речевого партнера, на существующие общепринятые социальные нормы или обычаи социальной группы. Именно в такой функции используются, например, незавершенные высказывания в рассказе Г. Бёлля «Черные овцы». Название рассказа метафорично: черными овцами называют людей, образ жизни и поведение которых порицается в данной среде. Таким человеком был в рассказе дядя Отто, который прославился тем, что занимал деньги у всех, с кем имел дело. В качестве лейтмотива, характеризующего эту ситуацию и отношение к ней в семье, используется незавершенное высказывание «*Übrigens, kannst du mir nicht...?*» Бёлль описывает эффект ее воздействия:

Die Phrase "Übrigens, kannst du mir nicht..." wurde zu einem Schreckenswort in unserer Familie, es gab Frauen, Tanten, Großtanten, Nichten sogar; die bei dem Wort "kurzfristig" einer Ohnmacht nahe waren.

В том же рассказе Бёлль еще раз мастерски использует конфликт содержания и формы, лежащий в основе апозиопезиса. Характеризуя дядю Отто как блестящего оратора, способного каждый раз заново создать иллюзию, что он не будет занимать денег, автор тут же развенчивает напрасные ожидания:

Seine Reden waren so fesselnd, so erfüllt von wirklicher Leidenschaft, scharf durchdacht, glänzend witzig, vernichtender seine Gegner, erhebend für seine Freunde, so gut konnte er über alles sprechen, als dass man hätte glauben können, er würde...! Aber er tat es.

Аналогичную функцию могут принимать на себя незавершенные парцеллированные придаточные предложения, чаще всего условные. Условный союз становится символом невыполнимости того, о чем идет речь:

Das weiß ich nicht. Ich sage nur "Wenn" (E.M. Remarque).

Говорящий может прерывать свою мысль в опоре на бытующие социальные нормы, считая произнесение главного предложения избыточным в смысловом отношении. Однако его произнесение дополнительно характеризует говорящего. В следующем примере апозиопезис выдает чувство неудобства, которое испытывает говорящий, предлагая коллегам в условиях дефицита товаров в социалистическом обществе поддержанную машину:

EB nebenbei: Wenn sich einer von euch für den Škoda interessiert...

Ich kriege jetzt 'n Lada (A. Leonhardt).

Апозиопезис служит нередко сигналом взволнованного состояния героя, которое проявляется в его сбивчивой речи:

“Ich bin nichts als ein kleiner Diener einer mächtigen Organisation. Mein Institut... Aber ich werde Ihnen erzählen...” (B. Frank).

Апозиопезис позволяет также реалистично отобразить внутреннюю речь, в частности внутренний диалог героя с самим собой:

Was würdest du für mich tun, Erik? Alles, alles würde ich für dich tun, ich würde den Ozean überqueren oder ihn austrinken, wenn du es wünschst, ich würde... Nein, Erik, das nicht, sei ehrlich, du musst ehrlich zu mir sein, das musst du tun, für mich tun! (U. Saeger)

В спонтанной речи высказывание остается незавершенным, когда говорящего перебивает его партнер [ср. Fleischer/Michel: 181]. В этом случае оно является свидетельством повышенного эмоционального тонуса партнера, его стремления показать, что он владеет ситуацией:

STIMPEL: Am letzten Abend waren Sie...

MARIO: Als Aushilfe (A. Leonhardt);

SIE: Hast du jemanden in deinem Büro, der einen hat, einen solchen...

ER: *Sohn. Sprich es doch endlich mal aus, ohne zu stocken* (P. Gosse).

Незавершенность высказывания может быть чисто смысловой: формально высказывание сохраняет полную структуру, однако сопровождается знаком незаконченности (многоточием или тире). В этом случае можно говорить о незавершенности текстовой структуры, например абзаца. Незавершенность абзаца используется некоторыми авторами как излюбленный стилистический прием. Так в романе М. Фриша «Homo faber» встречаются два типа незавершенных абзацев, маркированных графически.

Незавершенный абзац может состоять из короткого предложения, регистрирующего какой-либо факт действительности. Тире маркирует импликацию причинно-следственных связей:

a) *Ich bin kein Kusthistoriker —*

Nach einer Pyramidenkletterei aus purer Langeweile legte ich mich, schwindlich vor Hitze, irgendwo in den Schatten eines sogenannten Palastes;

b) *Der Helikopter war startbereit —*

Ich konnte meinen Brief nicht mehr durchlesen, nur in den Umschlag stecken, zukleben und geben — schauen, wie der Helikopter startete.

Незавершенные абзацы несут дополнительную смысловую нагрузку, характеризую героя как человека, безоговорочно принимающего данности окружающего мира.

В других случаях незавершенный абзац состоит из группы предложений или одного, но развернутого, которое описывает какую-то ситуацию, оставляя описание открытым. Тире имплицитно подразумевает причинно-следственную связь с последующей оценкой или констатацией:

...ich staunte über unseren Pauspapieren-Künstler, der an der prallen Sonne arbeiten konnte und dafür seine Ferien hergibt, seine Ersparnisse, um

Hieroglyphen, die niemand entziffern kann, nach Hause zu bringen — Menschen sind komisch;

Seinen Namen hatte ich überhört, die Motoren dröhnten, einer nach dem anderen auf Vollgasprobe — Ich war todmüde.

Незавершенность подобного рода дополнительно характеризует эмоциональное состояние героя, который не доводит мысль до конца.

Выводы по первой главе

В историческом плане общая тенденция состоит в том, что объем цельного предложения несколько уменьшается за счет сокращения количества и уменьшения объема элементарных предложений (далее — ЭП). Объем же ЭП, особенно когда оно выступает как самостоятельное простое предложение, несколько возрастает, что связано с распространением и возрастанием объема группы существительного [Admoni 1986: 296]. Однако однозначных закономерностей здесь, по-видимому, вывести нельзя: одни современные немецкоязычные авторы предпочитают короткие предложения, другие — длинные. В разговорной речи распространены парцеллированные придаточные предложения-клише типа *wie du willst, wie man's nimmt, wie versprochen*. Другие парцеллированные предложения имеют свободное лексическое наполнение, но являются фразеологизированными по своей форме. Фактически они выполняют функцию не придаточных, а самостоятельных предложений. Е.В. Гулыга называет их псевдопридаточными и выделяет три основные модели: предложения с союзом *dass*, предложения с союзом *wenn* и синонимичные им бессоюзные предложения с союзом *als ob* [Гулыга 1971: 185-186].

Псевдопридаточные предложения с *dass* обозначают факт действительности, окрашенный субъективным отношением говорящего (сожалением, возмущением, признательностью и пр.). В следующих примерах передаются оттенки сожаления и предупреждения:

Mensch, das ist gut. Wirklich. Dass du das nie erzählt hast! (B. Schirmer);

Dass ich es nicht vergesse: Die französische Delegation übernimmt am Freitag der Genosse Steinhaus (A. Leonhardt).

Псевдопридаточные предложения с *wenn* и синонимичные им бессоюзные конструкции выражают нереальные желания. Ср.:

“Wenn es schon Abend wäre”, *sagte Bene* (W. Koeppen).

В псевдопридаточных предложениях с союзами *als ob*, *als* с инвертированным порядком слов изменяется значение союза. Вместо значения ирреального сравнения развилось значение иронического оценочного утверждения, означающего противоположное тому, что выражено в предложении. За счет этого возникает экспрессивность:

Er war der erste, der mich "Yana" nannte. Alle im Studienjahr nennen mich jetzt "Yana". Als hätte ich schon immer so geheißen (W. Heiduczek);

Als wenn man bloß dafür lebt, dass man eine Wohnung kriegt! (B. Schirmer).

Речевой эллипсис встречается в персонально-окрашенной речи в регистре дистантной коммуникации и в спонтанной речи в регистре непосредственного общения. Он реализуется в виде парцелированных высказываний (за исключением моделируемых псевдо - придаточных предложений) и в виде незавершенных высказываний. Его отличие от языкового эллипсиса состоит в том, что он не может быть спрогнозирован. Его возникновение определяется исключительно намерением говорящего.

ГЛАВА 2. АБСТРАКТНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ АНАЛИЗА

2.1.Словорасположение

Термин «словорасположение» охватывает принятый в грамматике термин «порядок слов», подразумевающий упорядочение слов относительно друг друга в простом или элементарном предложении, и менее распространенное терминологическое сочетание «порядок следования частей», применимое к сложному предложению. Стилистически значимым может быть и то и другое.

В грамматике различают порядок слов прямой и обратный (инверсный). В первом случае предложение начинается с подлежащего, во втором — с любого другого члена предложения. Основная грамматическая функция словорасположения — это структурная организация предложения, в том числе выделение его различных типов: повествовательного, вопросительного, побудительного, с одной стороны, главного и придаточного с другой. В стилистике принят иной подход: порядок слов оценивается с точки зрения его нейтральности или эмоциональной окрашенности (эмфатичности). Однозначного соответствия между грамматическими и стилистическими вариантами порядка слов нет: как при нейтральном, так и при эмфатическом порядке слов предложение может начинаться либо с подлежащего, либо с другого члена предложения. Ср. следующие примеры:

Die Madrider glauben kein Wort (H.M. Enzensberger); *Das Wiedersehen mit Österreich machte mich froh* (P. Handtke) — прямой порядок слов, нейтральные высказывания;

Dort traf ich dann einige aus der Truppe der Bürger wieder (ebd.); *Hier ist Europa zu Ende* (H.M. Enzensberger) — обратный порядок слов, нейтральные высказывания;

...**nur ein Lebensmüder** könnte auf die Idee kommen, auf dieser Promenade spazierenzugehen (H.M. Enzensberger); Auch die Politik nimmt hier alle Züge eines Jahrmarkts an (ebd.) — прямой порядок слов, эмфатические высказывания;

An Schlaf ist nicht zu denken (ebd.);... fest steht nur, dass sie alle aus erster Hand stammen (ebd.) — обратный порядок слов, эмфатические высказывания.

Ср.:

Ich stand auf dem Hügel der '**Düne** und sah **hin** '**aus** und fühlte den Schlag der '**Wellen** in meinem Blut (F. Fühmann);

Die alte Anna erzählte ihre homerischen Geschichten am liebsten im '**Winter** (H.M. Enzensberger).

При эмфатическом порядке слов ритмическая организация высказывания меняется: фразовое ударение, как правило, смещается ближе к началу предложения и характеризует эмфатически выделенное слово. Чем дальше это слово удалено от своего обычного места в предложении, тем выше степень эмфазы и больше сила ударения. Меняется ритмическая организация всей фразы, после слова, несущего эмфатическое фразовое ударение, в результате чего возникает пауза, которая создает дополнительный контрастирующий эффект выделения. Ср.:

Zit'ronengelb / hob sich der Mond (F. Fühmann); Nach einem '**Ausweis** / hat er mich nicht gefragt (H.M. Enzensberger).

Однако эмфатическое ударение не обязательно связано с перемещением компонента относительно своего типичного места. Оставаясь на нем, компонент может получать дополнительные характеристики, выполняющие функцию создания контраста. Так, при прямом порядке слов эмфатическое ударение может получать, например, подлежащее, стоящее на своем типичном месте, но сопровождаемое отрицанием, неопределенным или

нулевым артиклем (в зависимости от грамматического числа) или логической частицей. Перечисленные детерминанты существительного в прагматическом смысле «нарушают ожидание» читателя, переключают его с размеренного ритма чтения на иной, неровный. Ср.:

Kein 'Auto begegnete ihnen (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens);

Eilige 'Schritte knarnten die Treppe empor, *'Sporen* klirrten, und heitere *'Stimmen* erfüllten das Treppenhaus (B. Kellermann);

Auch die *'höheren* Sphären der Madrider Gesellschaft haben ihre magischen Praktiken (H.M. Enzensberger).

Отрицательная частица **nicht** является одним из самых сильных средств эмфатической ритмизации высказывания. С ее помощью может быть эмфатически выделен практически любой член предложения, стоящий на своем обычном месте. Это происходит за счет нарушения пресуппозиции ожидания: скрытый смысл обманутого ожидания вкладывается в усиленное ударение. Например, в следующем предложении эмфатически выделяется прямое дополнение:

Ich traute meinen 'Ohren nicht (H.M. Enzensberger).

Сказуемое, стоящее на своем обычном втором месте, также может эмфатически выделяться. Этому способствует, например, заполнение первого места семантически пустым подлежащим безличным формантом **es**, не несущим на себе ударения. Сказуемое получает при этом как бы «двойную ударную дозу», ср.:

Es 'schmeichelt ihnen, wenn skrupellose Besucher Madrid mit New York vergleichen (H.M. Enzensberger).

При нейтральном порядке слов актуальное членение ориентировано на слушающего: информация подается от данного (тема) к новому (рема), что

характерно для объективированной письменной речи. Коммуникативный центр находится при этом в абсолютной постпозиции [Гончарова 1999: 18]. Спонтанная устная речь строится по другим законам, для нее характерно изменение последовательности в подаче информации. Говорящий спонтанно отражает ход своих мыслей, не изменяя их последовательности. Начинает он нередко с самого актуального и разворачивает высказывание к его исходному пункту или теме. Слушатель вынужден идти вслед за говорящим от неизвестного к известному, от ремы к теме. Этот субъективный эгоцентрический принцип изложения мыслей называют иногда специфическим напряжением устной речи [Zimmermann 1965: 34]. Такое напряжение выражается эмфатическим порядком слов и некоторыми специфическими конструкциями, о которых пойдет речь ниже.

Эмфатический порядок слов, естественный в устной речи, является в этом речевом регистре иконическим знаком. В письменном тексте он используется как стилистический прием создания его экспрессивности, переходя в разряд неиконических знаков. В новейших исследованиях различают абсолютную и относительную эмфазу [Гончарова 1999:18]. При абсолютной эмфазе коммуникативный центр находится в препозиции к исходному пункту высказывания, не разрывая тематического состава, например:

Noch nie hatte seine Mutter sich erlaubt, in dieser Weise von Melanie zu sprechen (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens).

При относительной эмфазе коммуникативный центр находится в препозиции только по отношению к неосновным тематическим компонентам. Тематический состав высказывания оказывается разорванным рематической вставкой, получающей эмфатическое значение, ср.:

Ich hab' dich noch nie hier gesehen [Гончарова 1999: 18].

Наиболее яркая эмфаза возникает в начале предложения, поскольку эта позиция наиболее удалена от места нейтрального расположения новой информации в конце высказывания. Начальная эмфаза принимает на себя различные гиперсинтаксические функции. Рассмотрим некоторые из них. Нередко эмфаза в начальной позиции предложения совпадает с гиперсинтаксическим началом, например, началом абзаца. Назовем экспрессивную функцию, которую она здесь выполняет, *зачинно-абзацной*. Эта функция выступает в трех разновидностях.

Первая имеет характер проспективной эмфазы. Весь абзац раскрывает и объясняет эмфатическое выражение, которое интригует читателя, заставляя его читать дальше. Ср. описание первой встречи с новым классом учителя Юста из повести Г. Гёрлиха «Объявление в газете»:

Mit der erwarteten gespannten Neugier richteten sich über dreißig Augenpaare auf Just. Die jungen Leute hatten ihn schon beim Appel betrachtet, bestimmt war er ihnen in seiner Kleidung aufgefallen. Nur, wie er auf sie gewirkt hatte neben dem Direktor im Regen und Wind, das wußte ich nicht. Hatten sie ihn auch so gesehen wie ich, hilfebedürftig, unsicher, sogar etwas komisch?

Эмфатическая постановка на первое место обстоятельства *Mit der erwarteten gespannten Neugier* направляет дальнейшее развитие текста; напряженное внимание учащихся передается и читателю, который тоже ждет, как новый учитель справится с классом.

Вторая разновидность начальной эмфазы имеет оценочный характер. Оценка, высказанная в начале, мотивируется в следующем за ней абзаце. Ср. пример из той же повести:

*Eine **besondere** Sache war, wie er dabei die Disziplin erreichte. Sie war einfach gut in seinen Unterrichtsstunden. Aber er erreichte sie nicht auf Dompteurweise, die sich in bestimmten Situationen nicht immer vermeiden lässt,*

wo der Blick bis in die hinterste Ecke reichen muss, womöglich noch unter die Bänke, um die Schar in Schach zu halten (G. Görlich).

Граница между перспективной и оценочной эмфазой не всегда четкая, например:

***Schweigend** liefen wir nach Hause. Die Sache mit dem reinen Herzen ging mir nicht aus dem Sinn. Just wollte erklären, was er darunter verstand, hatte es aber vergessen* (G. Görlich).

Наконец, третьей разновидностью начальной эмфазы является эмфаза импрессивная. Она служит усилению впечатления, обычно связанного с каким-либо действием или его результатом. Особенно явно импрессивная эмфаза ощущается после глаголов чувственного восприятия, ср.:

*Endlich sah er seine Mutter aus dem Haus treten; **klein und kerzengerade** näherte sie sich* (A. Andersch).

Другой пример импрессивной эмфазы взят из той же повести А. Андерша «Любитель полутени». Герой, страдающий алкоголизмом, но не отдающий себе в этом отчета, вдруг понимает, что другие посвящены в его проблему, и это, осознание производит на него сильное впечатление. Ср.:

*Er erblickte die Sekretärin, wie sie... die Gebärde des Trinkens machte', Lothar starrte sie einen Moment entgeistert an, er begriff nicht sogleich, sie wurde seiner Anwesenheit gewahr, und ihr Gesicht lief blutrot an, während die Gebärde ihrer Hand erstarb. **Kalt vor Entsetzen** ging Lothar den Universitätskorridor entlang* (A. Andersch).

Импрессивная эмфаза часто используется в стихах:

***Ganz versunken** warst du in dein Spiel*

Mit der ewigen Vergänglichkeit

Welle kam und Stern und Kreis zerfiel

Welle ging und du warst neu bereit

(M.L. Kaschnitz)

В стихах эмфатически выделяемый глагол может даже перемещаться со своего обычного второго места на первое:

Vorbeistrich

Ein Schwarm von schwarzen Jahren (von der Vringt).

Импрессивная эмфаза не всегда связана с необычностью позиции. Она возникает и в тех случаях, когда выделяемый элемент стоит на своем обычном месте, как, например, в следующем предложении, где модальный глагол хоть и стоит на своем обычном втором месте, но, тем не менее несет на себе эмфатическое ударение:

Schlafen konnte er nicht (B. Apitz).

Разновидностью эмфазы является акцентное выделение. Оно отличается от эмфазы тем, что происходит на фоне синтагматического контраста, чаще всего при эксплицитном противопоставлении. Ср.:

*Meine Überlegungen waren jedoch müßig. **Zu mir** war Mark Hübner gekommen, **nicht** Direktor* (G. Görlich).

Синтагматический контраст возникает также при сочетании члена предложения с акцентирующими частицами [Николаева 1982: 18, 32 и др.]. Если при этом частица стоит в постпозиции к выделяемому слову, акцент получается более сильным, что подтверждает роль порядка слов в ритмической организации высказывания. Ср.:

*Er zog mich fort. **Jetzt erst** spürte ich, dass es kalt war und ich keinen Mantel hatte, **jetzt erst** kam mein Hunger richtig hoch und knurrte vor der Pforte des Magens, **jetzt erst** begriff ich, dass ich auch schmutzig war, unrasiert, zerlumpt...* (H. Böll).

Частица **erst** создает контраст к состоянию героя, предшествовавшему тому моменту, когда полицейскому не понравилось его печальное лицо, и он повел его в участок. Позиция акцентного выделения не является гиперсинтаксически начальной.

Контрастивное выделение возможно не только в первой позиции предложения. На своем обычном (втором) месте можно выделять сказуемое на фоне пред-текста, например, если в пред-тексте содержится антонимичный глагол с отрицанием, с помощью которого описывается ситуация, нарушающая ожидание читателя. Логическое ударение на сказуемом акцентируется постпозитивной частицей, ср.:

Ihr Arbeitstag **endet nicht**, wenn es dunkel wird. Fast wäre man versucht zu sagen: er **beginnt erst** eigentlich um acht Uhr abends... (Н.М. Enzensberger).

Итак, типичными сильными позициями высказывания, в которых может происходить эмфатическое или контрастивное акцентное выделение члена предложения, являются первая и вторая. Не меньшими выразительными возможностями обладает и зарамочная позиция. Однако при вынесении за рамку имеет место другая ритмическая организация фразы, вследствие чего возникают иные стилистические эффекты.

Исследователи давно обратили внимание на то, что зарамочный член предложения особо выделен [ср., например, Wetzel 1904: 380]. По тонкому замечанию Л. Зюттерлина, вынос за рамку связан с известным изменением тона изложения [Sütterlin 1910: 292]. Действительно, анализ материала показывает, что эмфатическая выделенность зарамочных членов создается за счет снижения тона высказывания. На наш взгляд, снижение тона — это иконический знак, характеризующий обыденность восприятия зарамочного члена говорящим. С психологической точки зрения здесь создается эффект, противоположный эмфатической выделенности первого или второго места: выделяется не самое важное для говорящего, а само собой разумеющееся для

него. При этом подразумевается, что таким же само собой разумеющимся это будет и для читателя. В результате возникает эффект сопричастности читателя с восприятием автора текста. Иначе говоря, это тоже «эффект вхождения», только не во внешнюю ситуацию, а в психологическое состояние автора.

Характерной чертой ритмической организации является пауза перед зарамочным членом. Эта пауза свидетельствует об относительной законченности предыдущего высказывания и одновременно о том, что говорящий хочет что-то добавить, заручиться поддержкой слушателя. Ср.:

*Gerda hatte auf mich gewartet, **vor dem Fernsehapparat*** (M. von der Grün);

*Das war nicht weit entfernt **von unserer Wohnung...*** (G. Görlich);

*Die Fahrt nach Hamburg würde hübsch werden **bei solchem Wetter*** (A. Andersch).

В современной литературе в зарамочной позиции встречаются даже такие члены предложения, которые традиционно относились к внутрирамочным, например прямое дополнение. Ср.:

*...er hatte vielleicht jetzt eben... ein bisschen geträumt, **den Traum**, der Wirklichkeit wird* (D. Noll).

Здесь вынесено за рамку не только придаточное предложение, что стало уже нормой, но и определяемое существительное в функции прямого дополнения.

Нередко в позиции зарамочного выделения оказываются один или несколько членов предложения, предварительно введенных местоимением. В немецкой терминологии это явление называется *Nachtrag*, в русской — «присоединительная конструкция». Психологическая подоплека данного явления - тоже эффект вхождения. Говорящий сначала не дает себе труда

полностью обозначить лицо, которое он имеет в виду, и ограничивается краткой местоименной номинацией. И лишь затем добавляет то, что, по его мнению, уже понятно читателю, — полную субстантивную номинацию. Ср.:

Sie waren ein ideales Gespann, der Direktor und sein Hausmeister (G. Görlich)

Семантика само собой разумеющегося может проявляться через пунктуацию; в таких случаях перед присоединяемой конструкцией стоит двоеточие, ср.:

Sie haben etwas vergessen: die Vergangenheit (H.M. Enzensberger).

Обратимся к ритмической организации высказывания с помощью порядка слов в ситуации непосредственного общения. Как упоминалось выше, здесь также чрезвычайно важная роль отводится началу фразы. Первая позиция приобретает, однако, некоторые особенности, отличающие ее от оформления высказывания в художественной речи. Проследим некоторые из этих особенностей.

Говорящий нередко начинает фразу контактными словами, сопровождающимися паузой. К контактным относятся слова типа *also, nun, ja*, а также союзы *und, aber* [Weiß 1971: 27]. Функции этих слов видятся исследователям по-разному. Одни видят их предназначение в том, чтобы дать говорящему время сформулировать основную мысль [Berthold 1968: 325]. Другие считают их средством, раскрывающим позицию говорящего в разговоре, с помощью которого выявляется его заинтересованность в ходе беседы [Weiß 1971: 28]. Представляется, что они объединяют в себе и то и другое. Ср.:

*...und, +*sobald ein... Romanentwurf solch ein Schema fertig ist +, ist es schon wieder überholt muss ein neues anfangen* (Texte); *also, + wenn ich zurückkomme, dann bin ich fit* (ebd.);

Ja, diese Berufsausbildung wurde versuchsweise in einigen erweiterten Oberschulen eingeführt... (Schallarchiv der AdW).

В разговорной речи высказывания нередко начинаются с глагола, становясь экспрессивными утверждениями. Начальная постановка финитного глагола обусловлена либо эллипсисом подлежащего (об этом речь ниже), либо тем, что подлежащее и сказуемое меняются местами. В обоих случаях глагол в первой позиции получает сильное ударение, ср.:

Hat er sich gefreut! (M. Wander);

Ich dachte, sowas gibts gar nicht mehr! **Kannte** ich nur von Bildern: kurze Lederhosen, Sepplhüte, Blasmusik. **Gibt's** aber doch noch (Authentische Texte).

2.2. Синтаксическая метафора

2.2.1. Метафорические словосочетания.

Метафорические выражения традиционно рассматриваются в стилистике, а в последнее время они привлекают внимание ученых, интересующихся психолингвистическими проблемами понимания. Гораздо меньше исследована собственно лингвистическая сущность метафоры, речь идет пока лишь о введении в такую теорию [ср. Бикертон 1990]. Согласно традиционной точке зрения, которая принимается во многих работах, посвященных исследованию метафоры, метафора — это «стянутое сравнение» [Миллер 1990: 236]. Так понимается метафора в стилистике, где важно обнаружить скрытое сравнение, при котором название одного предмета применяется к другому, выявляя таким образом какой-то важный признак [ср.: Арнольд 1981: 82]. Приписать этот признак просто нельзя другим способом [Долинин 1987: 132]. В теории понимания подчеркивается апперцептивный характер метафоры, т.е. ее способность соотносить поступающую информацию с уже сложившейся понятийной системой [Миллер 1990: 236]. В семантических исследованиях доказывается, что

«метафора и сравнение различаются глубинными структурами» [Вежбицкая 1990: 143]. Однако этот тезис не получил пока достаточного признания.

Синтаксическая метафора объясняется традиционно: как результат сочетания и скрытого сравнения компонентов синтаксической структуры. При этом речь идет только о нарушении семантической комбинаторики элементов [ср. Шакирова 1974]. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку в процессе метафоризации взаимодействуют два вида семантики: грамматическая и лексическая. Д. Бикертон справедливо отмечает, что метафора — это «разовое присвоение» атрибутов по типу *green thought* («зеленая мысль») [1990: 301]. Это высказывание, на наш взгляд, в скрытом виде содержит гипотезу, развиваемую в настоящей работе, а именно, что **грамматическая семантика вступает в противоречие с лексической семантикой** элементов, которые заполняют грамматическую структуру, т.е. составляют словосочетания, предложения, сложное синтаксическое целое. В каждом из трех указанных случаев реальная ситуация описывается в терминах не типичных для нее синтаксических или семантических категорий, синтаксический знак теряет семантическую иконичность, «оттеняется» необычным, «неканоническим» представлением автора высказывания, т.е. приобретает образность. Рассмотрим наиболее простой (первый) случай метафорических словосочетаний. Попытаемся показать, что они неоднородны с точки зрения метафорического содержания, и выяснить причины этой неоднородности.

Обычно встречаются метафорические словосочетания двух основных типов: во-первых, сочетания стержневого имени существительного с другим именем (существительным, причастием или прилагательным) и, во-вторых, сочетания имени существительного с предлогом пространственной семантики. В обоих случаях происходит нарушение сочетаемости грамматической семантики соответствующей конструкции с ее лексическим

наполнением. Возникающая при этом метафоричность в каждом случае имеет различную образную основу.

Метафорические сочетания существительных с предлогами пространственной семантики в смысле их образности достаточно однородны: ожидаемая локативная семантика получает образный смысл ВМЕСТИЛИЩА. В позиции стержневого имени (вместо конкретных пространственных имен) могут появиться абстрактные обозначения явлений природы, эмоций и т.п. Ср.:

In der Feme lagen die Fabriken von Siemensstadt ...unter einem Himmel von fast weißem Grau (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens);

Sie brach ab, aus einem Gefühl der Würde... (ebd.).

Далее нас будут интересовать определительные словосочетания, метафоризация которых отличается гораздо большим разнообразием. Существенно, что в немецкой грамматике к этому типу словосочетаний относятся:

- (1) собственно атрибутивные сочетания, построенные по модели Adjektiv + Substantiv (Adj. + Subst.);
- (2) посессивные и предложные сочетания двух существительных, построенные по моделям Subst. (Nominativ) + Subst. (Genitiv); Subst. (Nom.) + Subst. mit Präposition [Sitta 1995: 636].

Первый тип имеет более универсальный характер, чем второй. В частности, словосочетания такого типа относятся к определительным и в русской грамматике, тогда как словосочетания второго типа рассматриваются там как объектные или адвербиальные, поэтому логично начать с первого типа словосочетаний.

А.А. Потебня на материале русского языка и В. Г. Адмони на материале немецкого отмечают смысловые различия согласованных

препозитивных и несогласованных постпозитивных определений. Первые, как правило, обозначают «внутренние» качества, имманентно присущие предмету, а вторые — его «внешние» качества, которые относятся к соответствующему предмету, как одна субстанция к другой [Admoni 1986: 267]. Семантика определений со значением «внутреннего» качества в известной степени прогнозируется стержневым именем. Тогда словосочетания имеют неустойчивый, но частотный характер и в этом смысле идиоматичны. Д. Бикертон описывает такие случаи как «специфические атрибуты», понимая под этим, что обозначаемое ими качество обычно соотносимо с денотатом знака, как, например, «твердость» соотносится с «железом» и т.п. [1990: 290]. Ср. некоторые «специфические атрибуты» в немецком языке:

*der blaue Himmel, weiße Milch, das tiefblaue Meer, leichte Seide,
dunkle Augen, eine laute Stimme etc.*

Изменение семантики определения в позиции, типичной для обозначения «внутреннего» качества, как правило, влечет за собой его метафоризацию. Пользуясь термином Д. Бикертон, можно утверждать, что в таких случаях определения выходят за рамки «специфических атрибутов». Нарушение атрибутивной комбинаторики проявляется как нарушение семантических проекционных правил [Бикертон: 292]. Метафоризации подвергается имя прилагательное; назовем такую метафоризацию в чистом виде **комбинаторно-семантической**. Нарушение атрибутивно-семантической комбинаторики проявляется на глубинном уровне в том, что там обязательно присутствует отрицание [ср. Вежицкая 1990: 147]. Именно оно обнаруживает, что метафоры, по утверждению Дж. Миллера, «либо ложны в реальном мире, либо очевидным образом не имеют никакого отношения к текстовому концепту» [Миллер 1990: 279]. А. Вежицкая предлагает моделировать глубинную семантическую структуру метафор следующим образом: «можно сказать, что это не..., а ... », вводя в эту

структуру отрицание как обязательный компонент [1990: 144]. Ср. следующий пример и его интерпретацию:

...gläserne... Augen (E.M. Remarque) — неспецифичность атрибута (нарушение проекционной комбинаторики) состоит в том, что качество, в прямом смысле характеризующее артефакт, приписывается части тела человека; семантическая экспликация метафоры: можно сказать, что это не *глаза*, а *стекляшки*.

Рассматривая семантические отношения в метафорических высказываниях, А. Вежбицкая употребляет выражение «думаю о...» [1990: 145]. Представляется, что это очень существенный прием, который можно использовать для выявления компонента словосочетания, который подвергается образному переосмыслению. Так, в предыдущем примере думаем мы *не о стекляшках*, а о *глазах*, что означает, что метафоризации подвергается именно атрибут, а не стержневое существительное, которое в буквальном смысле слова соотносится с реальным денотатом.

Разновидностью комбинаторно-семантической метафоризации является метафорическая синестезия, которая имеет место в случаях, когда качество, обозначаемое прилагательным, воспринимается иным органом чувств, чем предмет, обозначаемый определяемым существительным. В переносных значениях употребляются прилагательные; а думаем мы о соответствующих денотатах существительных, ср.:

...harte Augen (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) — глаза воспринимаются зрением, твердость - осязанием; можно сказать, что это *не глаза*, а *сплошная твердость*;

...kühle Stimmen (A. Andersch, Die Rote) — голоса воспринимаются слухом, прохлада - осязанием; можно сказать, что это *не голоса*, а *сплошная холодность*.

В отдельных случаях синестезию обнаруживают определительные предложные сочетания существительных; в переносных значениях употребляются определяющие имена, ср.:

Stimme nicht aus Farbe, sondern aus Konturen (ebd.).

В модели Adj. + Subst. возможен вариант **натурализации**, когда переосмыслению (уподоблению природному явлению) подвергается стержневое имя. В приводимом ниже примере, на наш взгляд, имеет место двойная метафоризация по типу: метафорическое определение + метафорическое определяемое, ср.:

...in einem gnadenlosen freundlichen Meer, einem Menschenmeer (A. Andersch, Die Rote).

Метафорической натурализации противопоставляется *денатурализация*, которая нередко связана с нарушением привычной комбинаторики в обозначении предметов и свойственных им цветов. Этот вид метафоризации часто используется в поэзии. Так, П. Целан создает образ «черного молока»:

Schwarze Milch der Frühe wir trinken sie abends... (Todesfuge).

Аналогично, может быть в меньшей степени метафорично, в прозе:

...zwischen dem Schwarz des Meeres... (A. Andersch, Die Rote).

Эксплицитному переосмыслению подвергается, по нашим наблюдениям, причастие, стержневое же существительное получает имплицитную «тень» иной категориальной принадлежности, ср.: *...der leergefegte blaue Himmel* (A. Andersch, Die Rote) > man kann den Himmel nicht leerfegen; существительное Himmel, обозначающее природное явление, получает имплицитный категориальный смысл имени артефакта — сооружения, которое можно подмести; происходит *имплицитное опредмечивание* стержневого имени;

geschälte Buchenstämme (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) > man kann die Buchenstämme nicht schälen; «ть» существительного Buchenstämme не столь заметна, но она есть: в данном контексте оно имплицитно сравнивается с каким-нибудь плодом, который можно очистить от кожуры.

Некоторые метафоры такого типа стираются от частого употребления, например:

...ihr verschlossenes Gesicht (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens).

В некоторых случаях в причастии преобладает номинативное значение качества, а существительное обозначает предмет, являющийся носителем этого качества, т.е. представляет собой грамматический субъект. Метафора возникает за счет нарушения семантической комбинаторики между обозначениями предмета и его качества, ср.:

Klang einer betrunkenen Drohung (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) > Drohung kann nicht betrunken sein; «ть» абстрактного существительного Drohung — имя напившегося человека, произносящего угрозу. Здесь имеет место *имплицитная персонализация*.

По сути дела, в модели **Part. II** + **Subst.** происходит двойная метафоризация, так как, во-первых, нарушается естественная комбинаторика между обозначением предмета и его «внутреннего» качества, а, во-вторых, определяемое имя получает имплицитный дополнительный смысл иной категориально-семантической принадлежности.

Перейдем к определительным словосочетаниям с «внешними» атрибутами. Чтобы понять нарушения лексико-синтаксической комбинаторики существительных, образующих такие словосочетания, вспомним структурно-семантические группы существительных. Четкой

классификации таких групп в лингвистике нет, но даже те группы, которые выделяются, позволяют дать некоторое представление о возможных нарушениях семантической комбинаторики. У. Энгель, например, выделяет следующие семантические классы существительных. Основой деления является противопоставление имен нарицательных именам собственным; имена нарицательные делятся далее на исчисляемые и неисчисляемые; затем названия отдельных предметов противопоставляются собирательным именам (Berg — Gebirge), названия материальных вещей противопоставляются названиям идеальных понятий (Küste, Welle — Dankbarkeit, Hoffnung), имена одушевленных лиц или животных противостоят названиям неодушевленных предметов (Kind, Ziege — Koffer, Wand); имена, обозначающие природные явления, противостоят именам так называемых артефактов — вещей, созданных руками человека (Gras, Stein — Apparat, Statue). Особо отмечается семантическая значимость отглагольных имен, которые могут обозначать процессы (Befragung, Besiedlung) и результаты таких процессов (Auslese, Zeichnung), деятели (Dirigent, Kommandeur) или претерпевающее лицо или предмет (Findling, Aufkleber). Существительные, образованные от прилагательных, обозначают некоторое качество или способность (Blässe, Mutterschaft) [Engel 1996: 504 f.].

Сочетания некоторых семантических групп в некоторых конструкциях представляются естественными. Например, словосочетания, построенные по модели с грамматической семантикой принадлежности в широком смысле: Subst. (im Nom.) + Subst. (im Gen.) не являются метафоричными, если допустима смысловая трансформация с глаголом gehören, обнаруживающим семантику принадлежности. Тогда в позиции первого имени может стоять имя нарицательное (конкретное), а в позиции второго — имя собирательное, относящееся к той же области, ср.:

der höchste Berg des Gebirges ~ der Berg gehört dem Gebirge.

В позиции первого имени может стоять обозначение результата процесса, а в позиции второго — имя деятеля: *Zeichnung des Kommandeurs* ~ *Zeichnung gehört dem Kommandeur*; или в первой позиции имя качества, а во второй — обозначение имени претерпевающего лица: *Blasse des Findlings* ~ *Blässe gehört dem Findling* и т.д.

Сочетание двух имен с предлогом *aus* имеет грамматическую семантику вещественности, т.е. второе имя обозначает вещество, из которого сделан предмет, обозначаемый первым именем. Естественным лексическим заполнением такой модели будет, например, обозначение артефакта в позиции первого имени + имя вещественное в позиции второго имени: *Statue aus Stein* ~ *Statue ist aus Stein gemacht*.

Другие же лексико-семантические сочетания возможны только в определенном контексте, в определенных стилистических целях. Метафоричность возникает за счет лексико-синтаксического диссонанса, который обеспечивает возможность интерпретации одних понятий через призму других [ср. Ченки 1997: 351].

Аналогичные процессы, пожалуй, даже более интенсивно протекают в словосложении существительных [ср. Беспалова 1999]. Выявить здесь строгие закономерности вряд ли удастся, но отдельные тенденции проследить можно. Типичен для метафорических словосочетаний лексико-синтаксический диссонанс, возникающий в основном в тех же моделях генитивных и предложных словосочетаний, которые показаны выше. Диссонанс возникает, например, в грамматической модели генитивного словосочетания с семантикой принадлежности в широком смысле, если с этим отношением связываются обозначения предметов, в прямом смысле слова «не принадлежащих» друг другу. Например, в миниатюре «Die alte Hofpumpe» Э. Штриттматтер рассказывает о том, как из старого насоса, замененного водопроводом, вынули все содержимое, оставив один только

ствол, и как в этом стволе свили гнездо синички, потомство которых автор (думая о насосе) называет

...das neue Herz unserer Hofpumpe (E. Strittmatter, Schulzenhofer Kramkalender).

В данном словосочетании стержневое существительное (определяемое) обозначает орган тела живого существа, а зависимое (определяющее) — механизм. Кроме того, стержневое существительное определяется еще и прилагательным «новый», семантически несовместимым с обозначением «сердце». Таким образом, возникает двойная метафора: сравнение синички с сердцем, вдохнувшим новую жизнь в старый механизм. Семантика принадлежности усиливает образ - неразрывную связь живой природы с механизмами, созданными человеком. Представляется, что данная метафора близка описанным Дж. Лакоффом и М. Джонсоном онтологическим метафорам «ПСИХИКА — ЭТО МАШИНА» [1990: 410]. Мы бы сказали, что грамматическая семантика принадлежности благоприятствует метафорическим переносам по типу *персонификации*.

Развернутый метафорический образ создает генитивными словосочетаниями с грамматической семантикой принадлежности А. Андерш в романе «Рыжая», комбинируя в этих сочетаниях существительные, обозначающие предметы и явления неживой природы, с обозначениями процессов, свойственных человеку. Определяемые существительные переосмысливаются, становясь образными ограничениями состояний и процессов, свойственных человеку, что придает последним известную масштабность. По мнению Дж. Лакоффа /М. Джонсона, ограничения создают онтологическую метафору ВМЕСТИЛИЩА [1990: 412], ср.:

...wie Korkstücke trieben die Geräusche der letzten Vaporetti- Passagiere auf der Brandung des Schlafs an das Ufer ihres Gehörs (A. Andersch, Die Rote).

Разновидность метафоры ВМЕСТИЛИЩА образуют генитивные словосочетания или словосочетания с атрибутивным прилагательным, в

которых образный перенос возникает на основе конфликта грамматической квантитативной (количественной) семантики с лексической, не поддающейся исчислению. В ограничительном метафорическом смысле употребляются обозначения количества. Ср.:

Stücke der Landschaft (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens); *ein halber Blick* (ebd.); *Stöße der Ernüchterung* (ebd.) (ср. неметафорические словосочетания в аналогичной грамматической конструкции: eine Menge Leute; ein halbes Meter etc.).

Аналогично метафорическому переосмыслению могут подвергаться обозначения плотности предметов или явлений, ср.:

...Ein Dickicht von Wohnungen (A. Andersch, Die Rote); *ein Netz der Sehnsucht* (ebd.).

Метафора может возникать в генитивных словосочетаниях с грамматической семантикой субъектности. Переосмыслению подвергается в таком случае определяемое отглагольное имя, которое в прямом значении не может выступать предикатом соответствующего субъекта. Ср. примеры и их трансформации:

...der metallische Überfall der Klänge (ebd.) > der Klang überfällt nicht; думаю о звуках: это может быть *не нападение*, а *неожиданность*;

...ein mechanisches Einrasten seines Gedächtnisses (ebd.) > das Gedächtnis rastet nicht ein; думаю о памяти: это может быть *не ржавление*, а *негибкость*;

...Einzug des letzten Gesichts seiner Mutter in sein Gedächtnis (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) > das Gesicht zieht in das Gedächtnis nicht ein; думаю о лице матери: это может быть *не въезд в память*, а *воспоминание*.

Возможна метафоризация генитивных словосочетаний с семантикой объектности. В следующих примерах стержневое отглагольное имя получает

отрицательно-оценочный смысл, характеризуя деятельность человека, обычно связываемую с другими объектами. На наш взгляд, здесь имеет место метафора КАНАЛА СВЯЗИ [М. Редди; цит. по: Лакофф, Джонсон 1990: 393]: определяемое существительное обозначает лицо, становящееся проводником того, что названо определяющим именем. Ср.:

...ein Buchhalter der Unmenschlichkeit (А. Andersch, *Ein Liebhaber des Halbschattens*); *...Buchhalter des Todes* (ebd.) (в обоих случаях так называется архивист, ведущий учет преступлений) — думаю о бесчеловечности, о (насильственной) смерти: учет преступлений может вести *не бухгалтер*, а *морально павший человек*.

Довольно часто метафоризируются предложные определительные словосочетания с семантикой вещественности, если, например, значение вещественности «навязывается» обозначениям, относящимся к эмоциональной сфере человека. Как правило, здесь имеет место **персонификация**. Так А. Андерш наделяет артефакт «кубик» или абстрактное имя «темнота», выполняющие в словосочетаниях роль определяемых имен, качествами, обозначающими эмоциональную сферу человека, и тем самым «одушевляет» их, ср.:

...das Haus war ein Würfel, ein Würfel aus Trostlosigkeit und Verfall und geheimem Leben... (А. Andersch, *Die Rote*);

...eine Dunkelheit aus Hass (А. Andersch, *Ein Liebhaber des Halbschattens*).

Природное явление может уподобляться артефакту, **опредмечиваться**. В переносном смысле употребляется тогда определяемое имя артефакта, ср.:

Eine Säule aus Wasserdampf (А. Andersch, *Die Rote*).

В той же грамматической конструкции возможен и обратный вариант, когда в позиции определяемого находится имя, обозначающее явление природы, а в позиции определяющего — имена, обозначающие артефакты. В

этом случае имена артефактов не называются, а замещаются переосмысленными сравнениями. Тем самым артефакты уподобляются природным явлениям. Тип метафоризации, при котором происходит уподобление природе, т.е. «натуре», в отличие от персонификации и опредмечивания, можно назвать *натурализацией*, ср.:

Die Struktur aus Kälte (ebd.); *думаю о рисунке на стекле: это, может быть, не рисунок, а структура из холода;*

...unter dem dunklen Gebirge aus Glas, Rauch und Beton (A. Andersch, *Die Rote*); *думаю о поезде: это, может быть, не поезд, а гора из стекла, дыма и бетона.*

Возможен и еще один вариант метафоризации предложного словосочетания со значением вещественности, когда образному переосмыслению подвергается определяющее имя. В следующем примере имя со значением «эмоция» определяется предложным сочетанием, в котором существительное обозначает природные ископаемые, дающие металл. Тем самым проявление эмоции человеком сравнивается с качеством, свойственным металлу. Это тоже своего рода натурализация, ср.:

Ein Schrei aus Erz (A. Andersch, *Die Rote*).

Предлог *in* придает словосочетанию грамматическое значение «нахождения внутри чего-либо». При заполнении позиций определяемого и определяющего имен лексемами, семантически противоречащими друг другу в отношении пространственной включенности друг в друга, возникает метафорический образ. Например, в одной из миниатюр Э. Штриттматтера в первой позиции стоит обозначение животного, во второй — обозначение предмета одежды человека; возникает образ несуразного человека. Образному переосмыслению подвергается определяемый компонент словосочетания. Этот тип метафоризации назовем *анимализацией*, ср.:

Herr Schwetasch..., ein Igel im Sonntagsanzug (E. Strittmatter, Der Laden).

Разобрав основные случаи метафорических преобразований в определительных словосочетаниях существительного, вернемся к вопросу, от чего зависит, какой член словосочетания — определяемое или определяющее имя — подвергается метафоризации. На этот вопрос у нас пока нет однозначного ответа. Исходя из нашего материала мы можем предположить, что в случае «внутренних» определений метафоризируются именно атрибуты, выходя из разряда «специфических», свойственных данному денотату.

Таким образом, метафоризация определительных словосочетаний существительного идет тремя основными путями:

в модели Adj. + Subst. происходит, как правило, комбинаторно-семантическая метафоризация определяющего имени, разновидностями которой являются синестезия и цветовая денатурализация;

в модели Part. II + Subst. имеет место двойная метафоризация с нарушением комбинаторной семантики и имплицитным переосмыслением стержневого имени;

в моделях Subst (Nom.) + Subst (Gen.) / Subst. (Nom.) + Subst. (Präp.) метафоризируется, как правило, определяемое имя, получая функцию метафорической идентификации, основными разновидностями которой являются персонификация, опредмечивание, натурализация и анимализация.

Взаимосвязь грамматической семантики с лексической можно видеть также в том, что семантика принадлежности способствует формированию онтологических метафор ВМЕСТИЛИЩА и КАНЛА СВЯЗИ.

2.2.2. Метафорические предложения. В метафорических предложениях грамматическая модель вступает в противоречие с ее

лексическим наполнением. Здесь типична персонификация модели «номинативное подлежащее + полнозначный глагол».

В.Г. Адмони отмечает две семантические разновидности этой модели: в одной выражается отношение производителя действия и действие, в другой - отношение носителя состояния и состояния [Адмони 1973: 70]. В первой разновидности выражается некое активное действие, следовательно, в качестве подлежащего логично предположить активное лицо. При персонификации эту позицию занимает существительное, обозначающее вовсе не лицо. Это может быть имя предмета, чаще всего артефакта, который наделяется активными свойствами, например, передвижения, ср.:

Das Boot schoss sofort in die Mitte des Canal Grande hinein... (A. Andersch, *Die Rote*);

Der Hotelstaubsauger frass sich den Korridor entlang (ebd.);

Der Oberst schloss die Augen... Die Batterie tanzte vor seinen Augen (I. Aichinger).

Часто персонифицируются абстрактные понятия, обозначающие, например, единицы времени или связанные с умственной деятельностью человека. Формально этот процесс может происходить в субъектно-объектной модели предложения, однако метафоризации подвергается предикативное словосочетание, т.е. процесс затрагивает отношение неактивного субъекта к активному действию. Ср.:

... dies war das Beste, was das 19. Jahrhundert zu bieten hatte... (A. Andersch, *Die Rote*);

Die naive Frage schien das Tschtuch zwischen uns zu zerreißen (E.M. Remarque).

Метафора может распространяться и на обстоятельство, ср.:

Aus der Wanduhr tropft die Zeit (E. Kästner).

Аналогично происходит персонификация явлений природы и имен вещественных, ср.:

*...statt dessen fror sie **im Januarwind**, der durch die Halle **fuhr**...*(A. Andersch, *Die Rote*);

*Aus der Nacht **sprangen Schatten**. Ich hatte Angst* (M. von der Grün);

*Auf der stillen Straße... versuchte er... die überlegene Stimmung fernzuhalten, die der **Cognac** ihm **einzuflößen** pflegte...* (A. Andersch, *Der Liebhaber des Halbschattens*).

Нередко персонифицируются обозначения частей человеческого тела или явлений, связанных с чувственной сферой человека, ср.:

*Ihr **Blick wanderte... hinauf*** (A. Andersch, *Die Rote*);

*...**Sehnsucht** nach einer neuen Zeit **rann** über ihren Körper wie Wasser, geschmeidig und feucht* (A. Andersch, *Der Liebhaber des Halbschattens*).

В субъектно-объектной модели имеет место метафоризация опредмечивания. В этом случае метафоризируются объекты — абстрактные имена, на которые переходит активное действие субъекта, ср.:

*Er **wischte**, wie immer, **die Erinnerung** an bestimmte Dokumente weg...* (A. Andersch, *Ein Liebhaber des Halbschattens*).

Нередко к тому же метафорическое отношение, а именно персонификация, возникает и между субъектом и предикатом, так что образуется развернутая метафора. Ср.:

*Ihre **Stimme... zerbrach die Worte** wie Reisig* (A. Andersch, *Ein Liebhaber des Halbschattens*);

...die großen Kandelaber-Lampen schütteten ihr Licht auf den Kai... (A. Andersch, Die Rote).

Персонифицируются и предложения, построенные по модели с семантикой качественного признака-свойства [Адмони 1973: 79]. Тогда предикативное прилагательное имплицитно подразумевает признак деятеля или одушевленного лица, ср.:

Die Sonne war tüchtig. Sie ließ den Schnee glitzen, und wo sie ihn packte, schmolz sie ihn ein (E. Strittmatter);

Zu einer solchen Bemerkung war ihre und Lothars Bekanntschaft damals... noch zu jung gewesen ... (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens).

В предложениях, построенных по модели с семантикой включения и отождествления, метафоризируется, как правило, предикатив, создавая иллюзорную образную идентификацию субъекта или представляя собой метафору ВМЕСТИЛИЩА, ср. соответственно:

Ihre ganze Haltung war ein einziges Spähen, eine gespannte Gier nach dem Element... (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens);

Glück ist ein verhexter Ort (E. Kästner).

Таким образом, метафоризация каждого из логико-грамматических типов предложения имеет свои особенности. Наиболее типичной является персонификация, которая реализуется в логико-грамматических типах с семантикой действия и признака-свойства. Логико-грамматический тип с субъектно-объектной семантикой реализует метафоры, опредмечивающие объект. Логико-грамматический тип с семантикой идентификации осуществляет иллюзорное отождествление субъекта с неким вместилищем.

2.2.3. Метафорические ССЦ и тексты.

Метафора нередко выходит за рамки отдельного предложения, охватывая ССЦ, абзац и даже целый текст. Так, в следующем примере метафора иллюзорной идентификации, о которой шла речь выше, развивается в развернутый образ, охватывающий целый абзац, ср.:

*“Schließ die Augen”, sagte Tolja. “Denk an nichts. **Du bist ein Tropfen Luft und schwingst zwischen den Blättern an einem Strauch oder im Sog eines Flugzeuges. Du bist nicht du, sondern alles. Meer und Stein oder Sonne oder Milchstraße. Das Hupen eines Autos oder die Nebelsirene am Hafen**” (W. Heiduczek).*

В современной литературе встречаются развернутые картины персонификации машин и механизмов, ср. пример из М. Фриша:

*Vor allem aber: **die Maschine erlebt nichts, sie hat keine Angst und keine Hoffnung, die nur stören, keine Wünsche in Bezug auf das Ergebnis, sie arbeitet nach der reinen Logik der Wahrscheinlichkeit, darum behaupte ich: Der Roboter erkennt genauer als der Mensch...*** (M. Frisch).

На образной идентификации строятся целые стихи, ср.:

Wär ich ein Baum ich wüchse

Dir in die hohle Hand

Und wärest du das Meer ich baute

Dir weiße Burgen aus Sand.

Wärest du eine Blume ich grübe

Dich mit allen Wurzeln aus

Wär ich ein Feuer ich legte

In sanfte Asche dein Haus.

Wär ich eine Nixe ich saugte

Dich auf den Grund hinab

Und wärst *du ein Stern* ich knallte

Dich vom Himmel ab.

(Ulla Hahn “Bildlich gesprochen”)

В рамках целого текста метафорическим может быть его название. Например, метафорическое обличение фашизма заключено в названиях романов Б. Келлермана «*Totentanz*», Б. Апица «*Nackt unter Wölfen*», Г. Бёлля «*Wo warst du, Adam?*» Иногда метафора, используемая в названии, соединяется с аллюзией. Например, Г. де Брюн использует притчу о Буридановом осле для развития сюжета любовного треугольника («*Buridans Esel*»). Метафорические образы используются в названиях стихов и рассказов. Например, стихотворение Р. Кунце о разделе Германии называется «*Vogel Schmerza*» стихотворение Э. Кэстнера об одиночестве — «*Kleines Solo*». Один из рассказов Г. Бёлля называется «*Undines gewaltiger Vater*». Имеется в виду Рейн, связанный в немецких народных легендах с гибелью девушки Ундины. В рассказе представлен персонифицированный, как в устном народном творчестве, образ реки: *Ich hin bereit, dem Rhein alles zu glauben.*

Метафорический перенос основан на импликации семантического признака одушевленности у существительного в позиции косвенного дополнения при глаголе *glauben*. Рассказ заканчивается описанием весеннего паводка на Рейне — река в образе могущественного отца Ундины смывает все на своем пути:

...ein dunkler Gott, der bewiesen haben will, dass er noch Opfer fordert: heidnisch, Natur, nichts von Lieblichkeit, wird er breit wie ein Meer; dringt in

Wohnungen ein, steigt grünlich in den Kellern hoch, quillt aus Kanälen, brüllt unter Brückenbogen dahin: Undines gewaltiger Vater.

Таким образом, развернутые метафорические переносы основаны, как правило, на персонификациях и образных идентификациях.

Сопоставление возможностей образования метафор разноуровневыми единицами показывает обратную зависимость детализации метафор от уровня структурирования единицы. В словосочетаниях используют восемь видов метафоризации: персонификацию, опредмечивание, натурализацию и денатурализацию, синестезию и анимализацию, а также идентификацию с вместилищем и каналом связи. В предложениях нам встретилось только четыре вида метафоризации: персонификация, опредмечивание, иллюзорная идентификация и идентификация с вместилищем. Сложные текстовые метафоры имеют более абстрактный характер и основаны, как правило, на персонификациях и образных идентификациях.

Выводы по второй главе

Основная функция словорасположения с позиций стилистики состоит, на наш взгляд, в *ритмической организации* предложения-высказывания. Несомненную связь словорасположения с ударением отмечает У. Энгель, не останавливаясь, однако, на ней подробно [Engel 1996: 332]. Понятие ритмической организации может «перекинуть мостик» от грамматики к стилистике. Известно, что стилистические варианты различаются постановкой фразового ударения. Важно, однако, рассматривать это ударение не само по себе, а соотнося его со всем интонационным контуром высказывания. Здесь стоит использовать понятие «ритмическая организация», т.е. чередование ударных и неударных слогов высказывания. Если чередование происходит относительно равномерно, а ударные слоги не выделяются дополнительно, то это нейтральная или нормальная ритмическая организация высказывания. Она характеризует предложения с нейтральным

порядком слов, в которых фразовое ударение (за исключением некоторых специальных случаев) стремится к концу и падает обычно на последнее или предпоследнее слово синтагмы либо на ведущее по смыслу слово последнего словосочетания.

Особую разновидность определительных словосочетаний данного типа представляют сочетания с определительным причастием. В них происходит нарушение семантической комбинаторики между причастием, обозначающим, как правило, законченное действие, и существительным, которое обозначает предмет, не входящий в круг предметов, охватываемых этим действием. Таким образом, нарушается грамматическая семантика объектности: действие, обозначенное причастием, не может в прямом смысле переходить на объект, обозначенный стержневым существительным. Говоря современным языком, стержневое существительное не входит в скопус (сферу действия) причастия.

Семантика определений со значением «внешнего» качества практически не прогнозируется, следовательно в этих случаях переосмыслению подвергаются, как правило, стержневые существительные, т.е. определяемые члены словосочетания, выступающие в метафорически идентифицирующей функции. Тем не менее и здесь есть исключения: например, в том случае, если определяющее имя является вещественным, функционально сближаясь с прилагательным, обозначающим «внутреннее» качество. Тогда именно оно и метафоризируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Универсальность функционирования синтаксических единиц проявляется на разных уровнях анализа: эмпирическом, абстрактно-семантическом и прагматически-идеализированном. Обобщая этот процесс на метаязыковом уровне, соотнесем его с колебанием знакового треугольника.

Эмпирический уровень анализа обнаруживает при функционировании синтаксических знаков те или иные различия в их формах, т.е. знаковых средствах, соотносимых с одним и тем же денотатом/референтом. Это различия в объеме знака или перемещениях составляющих его компонентов, иными словами — собственно синтаксические различия в составности знака. Образно говоря, стилистическую нейтральность «нарушает» вершина знакового треугольника, символизирующая знаковое средство, при устойчивости вершины, символизирующей объектную сферу, которая релевантна и в том и в другом коммуникативных регистрах.

Абстрактно-семантический уровень анализа проявляет различия в объектных сферах, именуемых одним знаковым средством, раскрывая механизм процесса метафоризации. Здесь «толчковой», приводящей в движение знаковый треугольник, служит вершина, соотносимая с референтной областью знака, тогда как его синтаксическая форма остается равной себе, и только специальный анализ интерпретатора позволяет выявить в ней нарушения семантической комбинаторики составляющих элементов и несоответствие лексического наполнения грамматической модели.

Наконец, прагматически-идеализированный уровень анализа позволяет интерпретировать синтаксический знак в разных условиях его употребления, в частности, при повторе или функционировании в качестве прагматической вставки. Вершина знакового треугольника, символизирующая

интерпретатора, переходит при этом в метаязыковое положение. Ключевая роль интерпретатора в дискурсивном процессе позволяет судить, с одной стороны, о возрастании роли денотатно-референтной сферы при ее повторном обозначении, а с другой - о метасемиотичности знаковых средств, употребляемых в данных условиях. При повторе усиливается воздействующий эффект, прагматические вставки создают глубинный план текста (интертекст). Таким образом, изменения знакового средства и денотатно-референтной сферы имеют функциональный характер.

Список использованной литературы

1. Адмони ВТ. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. — Л.: Наука, 1973.
2. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // И.В. Арнольд. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. — СПб.: изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 223—238.
3. Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. — М.: МГУ, 1997.
4. Беспалова Е.В. Композиты как минимальный контекст для метафорических выражений в немецкоязычной прессе // Язык и культура (исследования по германской филологии): Межвуз. сб. науч. ст. — Самара: Самарский ун-т, 1999.
5. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., нем., фр., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. -- М.: Прогресс, 1990.
6. Вежбицкая А. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры.
7. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. — М.: МГУ, 2000.
8. Гончарова М.А. Порядок слов как средство создания экспрессивности в современном немецком языке (синтез генеративного и функционального подходов): Автореф. дис.... канд. филол. наук. — Самара, 2001.
10. Гундарева Е.С. Сложноподчиненное преможеие с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики (на материале немецкоязычной прозы): Автореф. дис.... канд. филол. наук. — Самара, 2002

11. Колокольчиков В.В. Гамильтоны системы и релятивизмы. — М.: МГУ ПС, 1996.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры.
13. Мельчук ИА. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ-ТЕКСТ». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
14. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. — М.: Агар, 2000.
15. Фефилова А.З. Коммуникативно-прагматические особенности высказываний с имплицитным побуждением // Ученые записки Ульяновского гос. ун-та / Серия «Лингвистика»: Актуальные проблемы лингводидактики. Вып. 1(2). Ч. 1. — Ульяновск 1998.
16. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. — М.: МГУ, 1997.
17. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. — М.: Просвещение, 1986.
18. Berthold H. Zur Syntax der ostmitteldeutschen monologischen gehobenen Umgangssprache: Diss. — Potsdam, 1968.
19. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 5, völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage I Hrsg. G. Drosdowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg, H. Gelhaus, H. Henne, H. Sitta u. H. Wellmann. — Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AO, 1995.
20. Engel U. Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Auflage. — Heidelberg: Groos, 1996.
21. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. — Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975.
22. Grammatik der deutschen Sprache (GDS) von G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker u.a. Bd. 1—3. — Berlin. New York: W. de Gruyter, 1997.

23. *Jürgens F.* Auf dem Weg zu einer pragmatischen Syntax: eine vergleichende Studie zu Präferenzen in gesprochen und geschrieben realisierten Textsorten. — Tübingen: Niemeyer, 2000.
24. *Keller R.* Zeichentheorie. Zur Theorie des semiotischen Wissens. — Tübingen: G. Narr, 1995a.
25. *Klein W.* Ellipse II Syntax: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. I Hb. I — Berlin. New York: W. de Gruyter, 1993.
26. *Kostrowa O.A.* Satz und Äußerung: einfach und komplex. Samara: Päd. Universität, 1998.
27. *Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R.* Studienbuch Linguistik. 3., unveränderte Aufl. — Tübingen: Niemeyer, 1996.
28. *Meibauer J.* Pragmatik: Eine Einführung. — 2., verarb. Aufl. Tübingen: Stauffenburg, 2001.
29. *Peyer A.* Satzverknüpfung: Syntaktische und textgrammatische Aspekte. — Tübingen: Niemeyer, 1997.
30. *Sitta H.* Der Satz II Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache I Hrsg. G. Drosdowski. — Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus, 1995.

Источники

1. *Andersch A.* Die Rote: Roman. — Zürich: Diogenes, 1974.
2. *Apitz B.* Nackt unter Wölfen: Roman. — Halle (Saale): Mitteldeutscher Verl.
3. *Bachmann I.* Undine geht: Erzählungen. — Leipzig: Reclam jun., 1973.
4. *Böll H.* Ansichten eines Clowns: Roman. — Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1999.
5. *Bruyn G. de.* Tristan und Isolde: Nach Gottfried von Strassburg neu erzählt von Günter de Bruyn. — Berlin: Neues Leben, 1981.
6. *Frisch M.* Skizze [Schinz] II Schweizer Dichter erzählen: Aus der deutschsprachigen Erzählkunst des 20. Jahrhunderts. - Moskau: Progress, 1982.

7. *Fühmann F.* König Ödipus: Gesammelte Erzählungen. — Berlin und Weimar: Aufbau- Verl. 1974.
8. *Görlich G.* Eine Anzeige in der Zeitung. — Berlin: Neues Leben, 1979.
9. *Grün M. von der.* Ausgewählte Werke. — Moskau: Vyssaja Skola, 1984.
10. *Handtke P.* Wunschloses Unglück: Erzählung. — Frankfurt I Main: Suhrkamp, 1974.
11. *Heiduczek W.* Im Querschnitt Wemer Heiduczek. Prosa. Stücke. Notate. — Halle (Saale): Mitteldeutscher Verl., 1976.
12. *Jacobs K.-H.* Beschreibung eines Sommers. — Berlin: Neues Leben, 1961.
13. *Kafka F.* Das erzählerische Werk I: Erzählungen. Aphorismen. Brief an den Vater. — Berlin: Rütten & Loening, 1988.
14. *Kant H.* Die Aula: Roman. — Berlin: Rütten & Loening, 1970.
15. *Kellermann B.* Totentanz: Roman. — Berlin: Volk und Welt, 1983.
16. *Koeppen W.* Tauben im Gras: Roman. — Frankfurt I Main: Suhrkamp, 1980.
17. *Leonhardt A.* Jazz am Grab II Jazz am Grab.
18. *Noll D.* Die Abenteuer des Wemer Holt: Roman einer Jugend. - Berlin und Weimar: Aufbau-Verl., 1978.
19. *Otto H.* Zeit der Störche. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verl., 1980.
20. *Remarque E.M.* Zeit zu leben und Zeit zu sterben: Roman. —Bukarest: Kriterion Verlag, 1974.
21. *Saeger U.* Grüner Fisch mit gelben Augen. — Rostock: Hinstoff-Verl., 1977. Schallarchiv der Akademie der Wissenschaften der DDR: Manuskript.
22. *Schirmer B.* Der schönste Tag meines Lebens // Jazz am Grab.
23. *Strittmatter E.* Der Laden: Roman. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1983.
24. *Wander M.* Guten Morgen, du Schöne: Protokolle nach Tonband. — Berlin: Der Morgen, 1977.

Интернет источники

1. www.frankling.ru
2. www.google.de
3. www.ziyonet.uz
4. www.ziyo.uz